

КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЯЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

10 (242) •
октябрь 2018

МНЕ БЫЛО ДЕВЯТЬ ЛЕТ...

стр. 3

«НАСТУПАЕТ АНТИХРИСТОВО
ЦАРСТВО, И ВЕРНЫХ ВЕРЕ
ХРИСТОВОЙ ЖДУТ БОЛЬШИЕ
ИСПЫТАНИЯ»

стр. 5

СУДЬБА МОРОЗОВЫХ

стр. 7

ВЫБИТОЕ СОСЛОВИЕ

стр. 9

ТЕМА

ПАМЯТЬ ЖЕРТВ

стр. 3–11

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU 12+

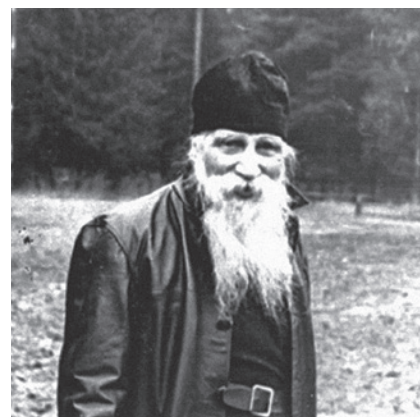
ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ СОДРУЖЕСТВО МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ
СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЕ ДВОРЯНСКОЕ СОБРАНИЕ

6 – 8 ноября 2018 года, Москва – Подмосковье

РОССИЯ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ: ХРАНИТЕЛИ И САМОРОДКИ

Продолжая тему конференции 2017 года «Духовные итоги революции в России: коллективный человек и трагедия личности», организаторы предлагают обсудить, через кого может возродиться или заново родиться жизнь на нашей русской земле?

С одной стороны, это могут быть те, кто в ситуации давления извне, личных потрясений, оторванности от корней смогли сохранить внутреннюю свободу, передать будущим поколениям не только церковную, научную или культурную традицию, но и сам дух подлинной жизни. С другой стороны, для того чтобы говорить о будущем, надо оценить, какие потенциалы в себе содержит современная ситуация. Самородки – это те, кто сегодня придаёт жизни народа новый импульс, выправляет её.

В числе хранителей, не преклонивших колена перед Ваалом и Молохом, Анна Ахматова и Николай Бердяев, Никита Струве, архимандрит Таврион (Батозский) и многие другие

Содержание

ОКТАБРЬ 2018

~ Новость номера

Между Москвой
и Константинополем
возникло серьёзное
напряжение | 2

~ Преображенские встречи

Только в труде души
семья обретает
крепость | 12

Главное в семье –
чему она служит | 15

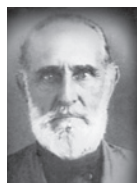

Протоиерей Иосиф
Фудель: как клирикам
и мирянам жить
вместе? | 17

~ Тема номера

Мне было девять
лет... | 3

«Наступает
Антихристово
царство, и
верных вере
Христовой
ждут большие
испытания» | 5

Судьба
Морозовых | 7

Выбитое
сословие | 9

Нам необходимо это
рассказать | 10

~ Живое предание

Братский помянник | 19

После десятилетий
забвения
и неизвестности | 20

~ Свято-Филаретовский институт

Кто-то говорит, что у него
ума нет, кто-то – что нет
сил, времени...
Но если просить у Бога,
то Он *из ничего* может это
дать | 22

~ Гражданская война

В поисках недостижимого
единства | 26

~ Проблемы истории

Если бы внутреннее
сопротивление в обществе
было достаточно
сильным... | 28

~ Письма читателей

В простоте и святости | 30

Нам запрещено было
говорить | 31

Издание Преображенского содружества
малых православных братств

gazetakifa.ru

КИФА

Одобрено Синодальным
информационным отделом
Русской Православной Церкви
(Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина
Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29
Тел./факс: +7-495-624-92-50
Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября
2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6,
строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 6 октября 2018 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 16 октября 2018 г.

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим
Дементьев, Александр Копировский,
Елена Шевелева, Татьяна Тыртыш,
Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский
фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов.
Сайт газеты: gazetakifa.ru

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине **predanie.org**;
в Москве: в редакции (в
настоящее время находится в
помещении СФИ –
ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске
«Предание»,
тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-
Press»: 11, Rue de la Montagne-
Sainte-Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60
(Анна Гринман),
+7-903-100-93-73
(Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81
(Анастасия Наконечная)

Архангельск: +7-921-073-32-76
(Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-11-37
(София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35
(Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91
(Татьяна Благодарёва)
Рязань: +7-920-632-06-71
(Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11
(Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83,
+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73
(Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05
(Ольга Кузнецова)
США, Канада: +1-651-210-49-22,
oleg@voskres.net
(Олег Воскресенский)

На первой странице обложки: Запрестольный образ храма-часовни в Дахау.
Русский православный приход Воскресения Христова, Мюнхен.
На четвёртой странице обложки: Нестор летописец. Скульптура М.М. Антокольского,
1890 г. Находится в Русском музее, Санкт-Петербург.

Когда заходит разговор о репрессиях, слишком часто за убийственными числами мы перестаём видеть тех живых людей, которые были расстреляны или погибли в лагерях. И каждый год те, кто присоединяется в День памя-

ти жертв политических репрессий – 30 октября – к Молитве памяти, с ужасом и состраданием прикасаются к именам немногих известных нам погибших и начинают видеть произошедшее в нашей стране и в другой перспективе – через судьбы отдельных людей.

В сегодняшнем номере мы соединяем и воспоминания о людях и семьях, представляющих основные уничтоженные в России сословия – крестьянство, священство, купечество и дворянство, и приблизительную оценку возможного числа репрессированных. **КФ**

Александра Колымагина

Н О В О С Т Ь Н О М Е Р А

Между Москвой и Константинополем возникло серьёзное напряжение

По материалам сайта Патриархия.ру

В апреле 2018 года президент Украины Пётр Порошенко обратился к патриарху Константинопольскому Варфоломею с просьбой о предоставлении автокефалии Православной Церкви в Украине. **22 апреля** обращение было официально принято к рассмотрению Священным Синодом Вселенского Патриархата. Это произошло несмотря на то, что в течение многих лет патриарх Варфоломей публично называл митрополита Онуфрия, главу УПЦ МП, единственным каноническим предстоятелем православной церкви на Украине (а эта церковь не выдвигала никаких инициатив относительно дарования ей автокефалии) и давал обещание никому не давать автокефалию в одностороннем порядке. В опубликованном **7 сентября** коммюнике Генерального секретариата Священного Синода КПЦ говорилось о назначении двух её ие-

рархов – архиепископа Памфилийского Даниила (Зелинского, род. в 1972 г. в Ивано-Франковске, ныне проживает в США) и епископа Эдмонтонского Илариона (Рудника, род. в 1972 г. во Львове, ныне проживает в Канаде) – «экзархами Константинопольского Патриархата в Киеве». В заявлении Отдела внешних церковных связей УПЦ от **7 сентября** это назначение было названо «грубым нарушением канонической территории Украинской Православной Церкви».

8 сентября Священный Синод РПЦ сделал заявление: «Данное решение принято без согласования с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом и митрополитом Киевским и всея Украины Онуфрием и является грубейшим попранием церковных канонов... Мы надеемся на то, что Константинополь пересмотрит это решение, если же этого не произойдёт, мы вынуждены будем сделать ответные шаги».

14 сентября Священный Синод РПЦ постановил: «Приостановить молитвенное помяновение Патриарха Константинопольского Варфоломея за богослужением. Приостановить сослужение с иерархами Константинопольского Патриархата. Приостановить участие Русской Православной Церкви во всех Епископских собраниях, богословских диалогах, многосторонних комиссиях и других структурах, в которых председательствуют или сопредседательствуют представители Константинопольского Патриархата. (Важно понимать, что это ещё не означает разрыва евхаристического общения между Поместными церквами! – Ред.)

Во всех храмах Русской Православной Церкви за каждой Божественной литургией включать в сугубую ектению следующие прошения:

• Ещё молимся Господу и Спасителю нашему о еже сохранить в единении и правоте Церкви Право-

славную во всём мире пребывающую и даровати ей мир и безмятежие, любовь и согласие, рцем вси, Господи, услыши и помилуй.

• Ещё молимся о еже благосердием и милостию призрети на Святую Церковь Православную и сохранить ю от разделений и расколов, от вражды и нестроений, да не умалится и не поколеблется единство ея, но да славится в ней Трисвятое имя Твое, рцем вси, Господи, услыши и помилуй».

В течение этого времени представители нескольких Поместных православных церквей призвали к мирному решению вопроса. В то же время позицию Константинополя публично подержала глава пресс-службы Госдепа США Хизер Науэрт, что подчёркивает политический контекст конфликта. Мы не знаем, какой будет ситуация после сдачи номера в печать, но в любом случае призываем всех читателей к усердной молитве о сохранении мира. **КФ**

Мне было девять лет...

Анна Васильевна Ускова, родившаяся в 1921 году, пишет стихи от первого лица – и от лица всех крестьян, раскулаченных в 1929–1930-е годы

Михаил Поликарпов. Фото из семейного архива Анны Усковой

Первыми среди раскулаченных умирали дети и старики...
Похороны двухлетнего брата Анны Усковой, 1932 г.

Анне Васильевне Усковой, которая должна была стать одноклассницей моей мамы, сейчас 97 лет. С шестидесятых годов она пишет стихи. Они написаны от первого лица или от лица крестьян, раскулаченных в тридцатые годы. Она не выдумывает, а пишет о своей жизни. Стихи помнит наизусть и, когда рассказывает, вставляет строчки из них в свой рассказ.

По столыпинской реформе дед Анны Васильевны получил в Рязанской губернии участок земли, хутор на холме в трёх

километрах от села Кривель. В двадцать девятом году дед умер, а в тридцатом семью раскулачили.

*Я помню тот тридцатый,
Мне было девять лет.
Пришли чужие люди в дом
И жизнь пошла тогда кругом,
Они всё наше отбирали,
Отцов за что-то забирали,
А мы все дети так смотрели
и на углу печи сидели.*

Всю семью – отца, мать и шестерых детей – сослали на Урал в посёлок Сатка Челябинской области.

*Уральские горы, где кругом леса,
Ничего не видно, одни небеса.
Голодом морили, хлеба вовсе нет.
Люди умирали, их уж больше нет.*

На Урале все голодали, дети начали болеть. Двухлетний братик Володя увидел незнакомую женщину, которая кормила ребёнка, и всё кричал: «Анюта, мока хочу».

*Дай мне хоть немножечко ложечку
полизать!*

И умер. У Анны Васильевны сохранилась фотография братика в специально сшитом для похорон красивом чепчике.

Погибли от голода 1921–1922 гг., вызванного в том числе и продразвёрстками, не менее 5 млн человек¹. Умерли на этапах раскулачивания и в спецпосёлках около 1 млн раскулаченных.

Погибли от голода 1933–1934 гг., ставшего следствием насильственной коллективизации, 6,5 млн человек².

Так как более 80% населения страны в первой половине XX века составляли крестьяне, они составили и основную часть погибших в годы гражданской войны (в ходе боевых действий, от террора, голода, эпидемий) 10–11 млн человек, большинство жертв советских репрессий и тех, кто погиб в годы Великой Отечественной войны.

Анна Ускова. 1940 г.

После смерти Володи отец велел ей вместе с братом бежать. Три года они жили в Кривеле у родственников, которые сами голодали и побирались. «Нюра, пойдём, бери сумку-то, выкладывай тетрадки свои».

*И с сумою я ходила,
И чужой я хлеб просила.
От отцовского добра
Я была-то голодна.*

В тридцать пятом году дети вернулись на Урал к родителям. Во время войны жить было очень трудно. Отец умер от голода в сорок третьем году. «Ему было шестьдесят два с половиной года, папа у меня хороший был». Два старших брата погибли на фронте.

Анна Васильевна говорит, что люди по-разному относятся к Сталину. Её двоюродные сестры считают его за отца родного, но она его ненавидит. «Чтоб его кости черви съели!.. он нас всех погубил».

*Мы были высланы на Урал
Со всех областей необъятной
России.*

*И сколько мы горя схватили тогда,
Пощады у власти своей не просили.
Нас называли «кулаки»,
Но кулаками мы не были,
А мы крестьяне дураки,
Которые Россию кормили.
Пятнадцать лет нас продержали*

*И издевались, как могли,
Мы гибли, за что не знали сами,
И называли нас «враги».*

*...
Вся жизнь прошла,
и вспомнить не о чем,
Одна забота да беда.
Отца Сталина родного
Мы не забудем никогда.*

Отец не велел возвращаться в Кривель, ведь там они никто, их считают врагами: «Езжайте в Воронеж или Тамбов, откуда мама взята, там земля хорошая». Но когда в восьмидесятые годы появилась возможность, Анна Васильевна купила дом в Кривеле. К этому времени о хуторе напоминали только дикие яблони на месте сада и название «Усков овраг». В девяностые годы Анна Васильевна добилась реабилитации, ей выплатили компенсацию за отобранное хозяйство – 7 тысяч рублей.

Тогда же на месте хутора Свято-Данилов монастырь построил своё подворье – скит преподобного Сергия Радонежского.

*Бывший хутор стал там скит,
Монастырь теперь стоит.*

На престольный праздник 18 июля Анну Васильевну пригласили в скит. Она подготовилась, написала стихотворение к этому событию. Народу собралось

много. Приехало начальство из района, священники из Москвы, настоятель монастыря.

*За вас батюшки я рада,
Что живете как в раю.
Кругом вода вас омывает,
Вода чиста как слеза,
А деревья словно свечи
Возле вашего скита.
И сады вы посадили, всё прекрасно,
как везде,*

*И дома ваши красивы, не найти
таких нигде.*

*...
А дорога, словно лента в бугор
стелется она,
Лишь бы люди туда ходили,
Прощенье у Господа просили.
Прости, Господи, Ты нас,
что не молимся сейчас.*

Тут все встали и запели: «Многие лета, многие лета!» Анна Васильевна попросила прочитать ещё стихотворение, про себя лично.

*А я вспоминаю, удалось мне
Выбраться оттуда как жила
в тюрьме
А при новой власти... («сама показываю на начальство, а они сидят, молчат») ...стало лучше жить,
Но осталось мало мне на свете
быть.
Скоро мне придётся в другой мир
лететь,
Может, будет лучше, что могла
терпеть. КФ*

¹ Данные Центрального статистического управления.

² Данные Государственной думы РФ.

«Наступает Антихристово царство, и верных вере Христовой ждут большие испытания»

Из материалов одного следственного дела

Александра Покровская. Фото: сайт Тульской епархии, семейный архив семьи Покровских

Кто-то из читателей наверняка держал в руках следственные дела своих родственников. Но есть и те, кто даже не знает, что это такое.

Так вот, это обычная картонная папка очень советского вида; на обложке её номер, а внутри – подшитые документы, значительная часть которых заклеена в непрозрачные светло-коричневые конверты. В них находится информация, которую не видят даже родственники.

Я очень опоздала со своей поездкой в управление Тульского ФСБ для того, чтобы увидеть эту папку; большинство людей ещё в начале 1990-х воспользовалось такой возможностью. Но я много лет знала от родных, что мой прадед, о. Иоанн Покровский, был священником, что его арестовали в 1937 году, он сидел в лагере под Калугой, а потом умер в Тульской тюрьме во время войны. Я понимала, что он разделит судьбу десятков тысяч священнослужителей, и казалось, вряд ли возможно узнать что-то новое из следственного дела, разве что понять формулировку обвинения. Но я очень ошибалась.

Никто из членов нашей семьи никогда не говорил (и, возможно, не знал), что прадед мой был осуждён как «член контрреволюционной группы духовенства», и открыв следственное дело, я познакомилась с двумя другими священниками.

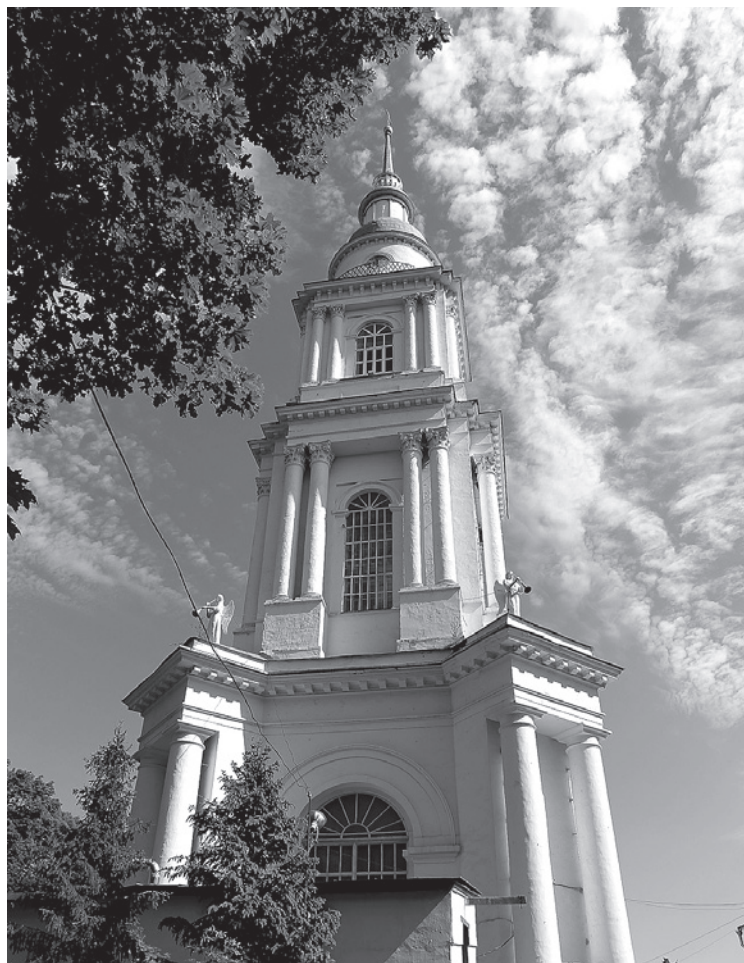
Все они служили в кладбищенском Всехсвятском храме. В то время это был кафедральный собор обновленческого епархиального ВЦУ. И никого из них никогда не назовут новомучениками: в отличие от своего епархиального начальства, благополучно примирившегося с церковью в 1940-х годах, они погибли в расколе. Но может быть, их судьба тем ярче показывает, как систематически истреблялись священнослужители; к этому времени власти было всё равно, «непоминающие» они, «поминающие» или обновленцы...

Следственное дело оказалось таким большим, что даже открытые листы я читала, делая краткие выписки, четыре часа. Голоса самих обвиняемых почти не звучали; каждый из них в допросе виновным себя не признал – и всё.

Но из голосов свидетелей, звучавших и в 1937-м, и потом, на переследствии, в 1955-м, все трое осуждённых встают как живые, и я не могу не рассказать о них.

Первым 21 сентября 1937 года арестовали протоиерея Василия Кутепова. Ему было 73 года.

Вот что рассказывал о нём один из священнослужителей собора (этот свидетель остался в живых, и позже, в 1955 году, признался, что подписывал протоколы допросов, где в обвинительном духе излагались обычные вещи, потому что испугался, как бы и его не арестовали как единомышленника):

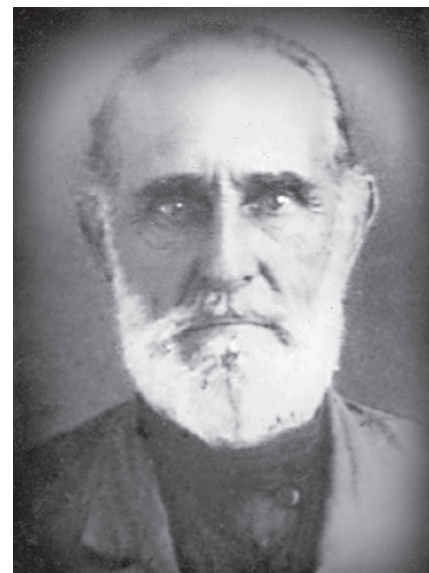

Четыре угла первого яруса колокольни Всехсвятского храма украшают фигуры ангелов Апокалипсиса

До 1917 года в России было 179 архиереев, около 100 тысяч монашествующих и более 110 тысяч человек белого духовенства.

В годы советской власти более 400 архиереев (среди которых многие были поставлены после 1917 года) подверглись репрессиям, из них свыше 300 были казнены или скончались в заключении.

По оценке исследователей, жертвы среди священников и активных мирян, расстрелянных или погибших в заключении, исчисляются сотнями тысяч.

Священник Иоанн Покровский

«За совершением богослужений Кутепов во всеуслышание говорит: “Помяни, Господи, о здравии и спасении в узах, темницах сидящих и в изгнании сущих братий наших”¹. Этими словами он подразумевает всех высланных за а/с² деятельность попов и монахов».

Через неделю был арестован ещё один священник, о. Сергей Никольский (ему, как и моему прадеду, вот-вот должно было исполниться 60 лет; все трое давно служили вместе и часто общались, о чём с обвинительной интонацией не раз упоминается в деле). Вот выдержка из протокола допроса свидетеля: «Как-то зимой 1937 года Никольский, встретившись со мной, заявил: “По Писанию наступает Антихристово царство, и верных вере Христовой ждут большие испытания. Как обманут народ русский этой проклятой властью, но погоди, опомнятся все, потужат, да будет поздно, так как русских людей уже не будет, все будут согнаны и сосланы”».

Последним 5 октября был арестован мой прадед, о. Иоанн Покровский. Он «с целью вызова паники и недовольства среди верующих, собрав их 21 сентября 1937 года в церкви, говорил: “Советская власть арестовала <о. Василия,> такого уважаемого человека, которого знает вся Тула. После этого не лучше ли прекратить службу и этим показать верующим, что нет у нас свободы религии, что над нами издеваются”».

В обвинительное заключение вошли именно эти цитаты о. Сергея и о. Иоанна. Про о. Василия в обвинении написали, будто он говорил, что Конституция существует только на бумаге и большевики негодные правители; но (при всей справедливости этих слов и всём безумии их как обвинения!) неизвестно,

говорил ли он это на самом деле. Свидетели, показывавшие это, как мне стало ясно позже из материалов дела, были тайными агентами НКВД; один из них, староста храма, был завербован ещё в 1927 году.

Завершали расследование несколько отдельных маленьких листочков, на которых были написаны страшные слова:

Приговор тройки 28 ноября 1937 г.

Кутепова Василия Александровича – расстрелять. Приговор приведён в исполнение 6 декабря 1937 г.

Никольского Сергея Васильевича – расстрелять. Приговор приведён в исполнение 30 декабря 1937 г.

Покровского Ивана Петровича заключить в исправтрудлагерь на десять лет считая срок с 29.09.1937 г.

В 1955 году всех троих реабилитировали. В деле сохранился большой допрос четвёртого священника, того, который давал показания на трёх погибших и к 1955 году ещё был в живых. В этот раз он мог говорить свободнее, и из разговора со следователем в ответ на вопрос «Как бы Вы могли охарактеризовать своих сослуживцев?» возникают новые говорящие подробности. Отец Василий Кутепов «в 1918 году, когда патриархом Тихоном было издано воззвание к верующим с проклятием советской власти, читал это воззвание жителям гор. Тулы в Кремле на площади», о. Сергей «служил во время религиозных обрядов всегда со слезами»...

И с тех пор, как я прочитала это, мне всё время кажется, что эти три священника хотят, чтобы о них рассказали. И я всем рассказываю о них... КФ

¹ Это прошение из анафоры литургии Василия Великого; вряд ли много было священников, читавших его в 1937 году вслух...

² Антисоветскую.

Судьба Морозовых

Татьяна Всежвятская

Мало найдётся в нашей стране людей, которым не были бы известны такие фамилии как Морозовы, Мамонтовы, Рябушинские, Рукавишниковы, Сытины, Третьяковы... Это фамилии наших великих соотечественников – купцов, предпринимателей, промышленников, которые за небольшой отрезок времени смогли вывести некогда отсталую Россию в пятёрку наиболее развитых стран мира. Это они обеспечили бурное и стремительное развитие промышленности всей страны, заложили основы машиностроения, самолётостроения, строительства железных дорог. В 1913 году Россия занимала первое место в мире по темпам экономического развития и третье по валовому продукту.

Но самое невероятное в деятельности этих людей, в чьих руках было сосредоточено более 70% всей экономической мощи страны, – это размах благотворительности и меценатства в масштабах, невиданных доселе в мире. Они считали, что богатство им дано не потому, что они такие умные и успешные, а потому, что Бог дал им его в пользование здесь, на земле, и потом спросит у них за него отчёт. Они строили по проектам лучших архитекторов больницы и богадельни, которые были похожи скорее на дворцы (после революции и до

сих пор в этих домах размещались госучреждения высокого ранга, посольства, банки). Собственные семейные дома отдавались под устройство приютов для сирот и вдов. Воспитанникам существовавших на благотворительные взносы училищ брались лучшие, подчас университетские преподаватели; повзрослевших воспитанников не бросали, помогали им по жизни и дальше. На развитие фабричных городков тратилось в среднем до 2/3 дохода от производства; там были бесплатные детские сады и ясли, амбулатории, школы, училища, театры, оркестры, а мой прапрадед И.А. Лямин построил для своих рабочих даже первый в России синемаграф... Сумма трат предпринимателей на благотворительность за год превышала годовой бюджет страны!

Почти у всех купеческих династий были девизы. Девизом моего прапрадеда было: «Воспитывать людей надо любовью, верой, добротой и красотой». Девиз Рябушинского: «Богатство обязывает», «Прибыль превыше всего! Но честь – превыше прибыли!» Девиз Сытина: «Деньги – средство, цель – созидание!»

На вопрос, откуда взялись в таком количестве эти люди, мы сможем ответить, если проследим судьбу купеческого сословия по характерной для него династии – семье Морозовых. Осно-

ватель рода Морозовых, Савва Васильевич (1770–1860), выкупился сам и выкупил всю семью за 40 лет до отмены крепостного права, в 1821 году. Второе, третье поколение Морозовых – это уже свободные, инициативные, деятельные люди, великие меценаты и благотворители, которые своим детям дают прекрасное образование, и не только в России. А четвертое и пятое поколения – это ГУЛАГ, где были уничтожены многие члены этого великого рода, или лишение имущества и лишение прав, которое в то время часто означало смерть: «лишенцев» не брали на работу, не давали возможности учиться, а главное – они не получали продовольственных карточек.

Вот лишь часть этого скорбного списка. Тимофей Саввич Морозов был расстрелян в 1921 году. Его младший брат, Савва Саввич, был отправлен в ГУЛАГ где провёл 15 лет. Их мать, потеряв всё, умерла в 1947 г. в нищете. Иван Петрович Трегубов, муж Екатерины Михайловны Анисимовой (правнучки основателя рода Морозовых), московский купец, попечитель Московской старообрядческой общины Рогожского кладбища, был в 1938 году расстрелян на Бутовском полигоне. Фёдор Иванович Морозов, потомственный почётный гражданин, был расстрелян по приговору Ульриха в 1920 году. Иван

Семья купцов Морозовых в усадьбе Одинцово-Архангельское.
1900-е гг.

Семья Ненароковых (четвёртое поколение семьи Морозовых)

Давыдович Морозов, директор Товарищества шлиссельбургского пароходства, член и казначей городского попечительства об увечных и больных воинах, был репрессирован и скончался в 1940 г. в Рыльске. Сергей Арсеньевич Морозов, директор правления компании Богородско-Глуховской мануфактуры, член комитета «Христианская помощь» Российского Красного Креста, директор Богородского уездного отделения Попечительного о тюрьмах общества, построивший женскую гимназию и реальное училище в Богородске, был арестован в 1931 году и расстрелян в сибирских лагерях. Расстрелян был и коллекционер Сергей Константинович Морозов. Тимофей Геннадьевич Карпов (правнук основателя династии Морозовых), статский советник, член Московского благотворительного общества, староста Иверской церкви на Б. Ордынке, был убит в 1932 г. в Архангельске уголовниками в тюрьме. Его жена, Мария Дмитриевна Лепёшкина (внучка моего прапрадеда С.Л. Лепёшкина) умерла в ссылке. Погибли и мужья трёх сестёр Тимофея Геннадьевича. Николай Васильевич Ненароков, муж Алевтины Геннадьевны Карповой, действительный статский со-

ветник, вологодский и владимирский вице-губернатор, филантроп и меценат, был расстрелян вместе с другими заложниками как «контрреволюционер и шпион» в 1919 году. Алексей Николаевич Смольянинов, муж Марии Геннадьевны Карповой, предводитель дворянства Спасского уезда Рязанской губернии, попечитель многих школ и училищ, в 1917 г. был приговорён к пожизненному заключению, в 1921 году амнистирован, вновь арестован в 1923 году, сослан в Туркестан, где и умер. Борис Сергеевич Головин, муж Клавдии Геннадьевны Карповой, потомственный дворянин, белый офицер, был убит красными...

«И ведь все эти русские мужики, Алексеевы, Мамонтовы, Сапожниковы, Сабашниковы, Третьяковы, Морозовы, Щукины, – какие это козыри в игре нации. Ну а теперь это – кулаки, вредный элемент, подлежащий беспощадному искоренению! А я никак не могу отказаться от восхищения перед их талантами и культурными заслугами. И как обидно мне знать теперь, что они считаются врагами народа, которых надо бить, и что эту мысль, оказывается, разделяет мой первый друг Горький», – сетовал Ф.И. Шаляпин.

Но всё же уничтожить всех представителей купеческого сословия советская власть не смогла. Наиболее энергичные успели эмигрировать; их ждала нелёгкая судьба на чужбине, достаточно вспомнить Ивана Абрамовича Морозова, величайшего коллекционера, благотворителя. После национализации своей картинной галереи он смог в 1918 году эмигрировать, но после всех потрясений в возрасте 50 лет в 1921 году умер на лечении в Карлсбаде. Некоторые потомки купеческих династий приспособились, сделали вид, что приняли новую власть, меняя при этом фамилии и биографии.

Пробовали уничтожить не только сословие, но и его имя. Почему и нет в «Большой советской энциклопедии» слова «благотворительность», а слово «купец» толкуется как «паразитическое сословие». Но и это не удалось. Слишком много всего построено и возведено было купцами-благотворителями. Поэтому детская городская больница опять носит имя её основателя – Морозова. И есть сегодня в Москве Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей, хранящий память об уничтоженном сословии... **КФ**

Выбитое сословие

Александра Колымагина

Однажды я была в гостях у двух подруг моей бабушки. Я не бывала у них раньше, но знала от родных, что они (одна – учитель, другая – врач) мужественные и самоотверженные женщины, что во время эвакуации школы-интерната, где они работали, они первыми брались за самые трудные дела, а после возвращения в Москву взяли к себе на год из оголодавшей многодетной семьи мою маму, семилетнюю девочку, и подкармливали её из своих скудных пайков. Наталья Робертовна и Ирина Робертовна достали альбом и стали показывать мне фотографии. Одну из них я не могу забыть до сих пор. На большой старинной фотокарточке сидела семья в несколько поколений, старые и молодые, вокруг них – многочисленные дети. А внизу была подпись: «Из мужчин и мальчиков на этой фотографии ни один не умер своей смертью». Отец сестёр Крамер был не только помещиком, но ещё и немцем. А мать происходила из рода Мусиных-Пушкиных.

Я невольно вспомнила об этом, когда на одной из «Русских бесед»¹ историк Сергей Владимирович Волков рассказывал о формировании и составе русской элиты. Его доклад, затронувший разные исторические периоды и содержащий множество интересных и малоизвестных фактов, не мог не закончиться рассказом о том, что произошло с дворянством, но и шире: с тем, что можно назвать «служилым сословием», после 1917 года. Позже я узнала, что С.В. Волков основывал свой анализ на огромном массиве личных архивных данных представителей русской элиты.

Вот главное, что в связи с этим запомнилось мне из беседы.

Первоначально служивым сословием, дававшим государству офицеров и чиновников, было потомственное дворянство. Однако к началу XX века большинство офицеров и чиновников составляли представители родов, начавших служить не ранее середины XIX в., т. е. принадлежащих к нему в первом-втором поколении.

В целом весь этот слой, представляющий собой наиболее образованную часть общества, был сравнительно немногочисленным². Вот что пишет об этом в одном из своих исследований³ С.В. Волков: «Первый его уровень составляли примерно 10 тысяч человек – гражданских и военных чинов первых трёх («генеральских») классов – 6,2 тысячи гражданских чиновников (куда входила почти вся профессура, члены Академии Наук, Академии Художеств и т. п.) и примерно 3,5 тысячи генералов⁴. Второй уровень был представлен накануне Первой мировой войны примерно 250 тысячами ранговых чиновников и офицеров, а весь слой, включавший духовенство, купечество, лиц свободных профессий и частных служащих и другие образованные группы населения (с членами семей), насчитывал 4–5 млн человек⁵».

Эта небольшая группа, давшая (из-за её малочисленности) в абсолютном исчислении не самое большое число жертв, пострадала от большевистской политики страшно несравненно больше других.

Вот как оценивает это Волков на примере офицерства и рангового чиновничества.

Из носивших офицерские погоны в 1914–1922 гг. примерно 350 тыс. человек:

- 24 тыс. погибло в мировую войну;
- 85–90 тыс. погибло в гражданскую войну (50–55 тыс. из них сражались на стороне белых, 10 тыс. – на стороне красных, около 20 тыс. – жертвы антиофицерского террора);
- не менее 100 тыс. офицеров оказалось в эмиграции;
- около 140 тыс. офицеров осталось на советской территории, из них от 70 до 80 тыс. было расстреляно или погибло в тюрьмах и лагерях в 1920–1930-е годы.

Из ранговых чиновников (их насчитывалось не более 200 тыс.) примерно половина оказалась в эмиграции и не более 100–150 тыс. осталось в СССР. Многие из них были вынуждены переместиться в низшие слои служащих. Они становились лишенцами, дети их почти всегда были лишены (из-за своего происхождения) возможности не только получить высшее, но и закончить среднее образование. В 1929 г. началась «чистка» аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций и даже научных учреждений, где ещё оставалось достаточное количество старых специалистов. В результате этих мер к середине 1930-х годов с остатками дореволюционного служилого слоя, ещё остававшимися в СССР, было практически полностью покончено. По заключению историка, отдельные его представители, ещё остававшиеся в живых и даже, как исключение, на советской службе, не представляли собой ни социального слоя, ни даже особой группы. **КФ**

¹ О «Русских беседах» см. Кифа №№ 4(236), 5(237), 8(240).

² В России начала XX века на душу населения приходилось в 5–8 раз меньше чиновников, чем в любой европейской стране.

³ Режим доступа: <http://swolkov.org/russia/russia-241.htm>.

⁴ С.В. Волков подчеркивает, что после гражданской войны

практически никому из них (тех, кто остался в живых) не удалось сохранить равноценного статусного положения (таких не более сотни человек, то есть 0,1%).

⁵ Это около 3% населения (разные источники дают общую численность населения империи к 1914 г. от 166 до 178 млн чел.).

Нам необходимо это рассказать

На конференции, проходившей в рамках проекта «Богословие после ГУЛАГа», говорили о том, что и для жертвы, и для палача очень важен публичный рассказ о том, что было

Юлия Балакшина. Фото с сайта <http://www.in-a-sec.com>

Эта была первая большая конференция в рамках проекта «Богословие после ГУЛАГа»¹, которой предшествовала целая серия подготовительных семинаров. Конференция проходила в течение двух дней на факультете теологии Vrije Universiteit Amsterdam. Всего в ней приняли участие около 40 участников из России, США, Нидерландов, Великобритании, Франции, Польши, ЮАР, Германии, Украины и др.

Нужно сказать, что организаторы конференции придерживаются той точки зрения, что богословие не должно быть конфессиональным. На их взгляд, существует лишь академическое богословие, возникшее в европейских университетах (в истоках своих чаще всего протестантское). Поэтому о богословии после ГУЛАГа они говорили на языке светской теологии, не очень для нас привычном (православных участников конференции было не очень много).

Началась конференция с выступления известного немецкого богослова Юргена Мольтмана, автора «богословия надежды». Мольтман крупная величина европейского теологического мира. Ему 92 года; он сам был в нацистском концлагере.

В его докладе был представлен обзор того, на какие вопросы от-

вечало и как развивалось богословие после Освенцима.

Ужас и масштаб страданий, которые довелось пережить людям в XX веке, заслонил вопрос Бога к человеку о его вине и вывел на первый план вопрос человека к Богу: почему Бог это допустил? где был Бог, когда уничтожались миллионы людей? Для многих представителей иудаистского богословия вопрос встал предельно остро: можно ли после Освенцима верить, что Бог действует в истории? И даже ещё более радикально: можно ли вообще говорить о существовании Бога? Жить в бессмысленном космосе лучше, чем жить с Богом, который допускает Освенцим. Но потерять веру, отвернуться от Бога значит дать Гитлеру одержать ещё одну победу, даже из могилы. В послевоенном иудаизме активно развивается богословие страдающего Бога. Где был Бог во время страданий своего народа? – В каждом умирающем ребенке. Любой другой ответ на этот вопрос был бы богохульством. Бог смиряет и унижает себя, разделяет страдания своего народа.

Христианское богословие после Освенцима ставит вопрос не только о молчании Бога, но и о молчании людей, о вине и ответственности тех, кто предавал брата или своим молчанием обрекал его на страдание. Вопрос

о катастрофах XX века – вопрос к нам самим: Каин, где брат твой Авель? Всемогущий Бог открывает себя как Бог Всестрадающий, всегда разделяющий судьбу жертвы. От человека же требуется некое искупительное усилие, которое позволит ему освободиться от бремени вины за преступления, совершенные им в XX веке. Без освобождения от груза прошлого ни человек, ни народ не могут строить своё будущее. Таким искупительным усилием может быть как личное покаяние, постоянное сокрушение сердца, не позволяющее снова попасть в плен к какой-либо идеологии, так и публичное исповедание преступлений, совершённых народом, свободное и честное отношение к своему прошлому.

Одной из основных дискуссий, как в последние годы часто бывает на конференциях этой тематики, стал спор вокруг доклада директора INaSEC Кати Толстой. Её постановка вопроса о том, остаётся ли образ Божий в «доходягах» – людях, доведённых голодом и издевательствами до потери всех чувств, воли, духовных устремлений, – вызвала горячие споры. Ведь этот вопрос звучит достаточно жестоко: человека замучили, довели до скотского состояния, а мы смеем сомневаться в том, что в нём сохранился образ Божий. Особенно

¹ Проект «Богословие после ГУЛАГа» стоит в том же ряду, что и «Богословие после Освенцима», а также южно-африканское

«Богословие после апартеида» и латиноамериканское «Богословие освобождения».

Представителей разных стран и континентов объединила тема исцеления ран исторического прошлого

шокирующе это звучит тогда, когда мы мысленно продолжаем эту мысль в связи с известными нам людьми – например, Осипом Мандельштамом или даже матерью Марией (Скобцовой). Я в ходе дискуссии говорила, что ответ на этот вопрос относится к области тайны и связан с верой в человека, с тем, верим ли мы, что в человеке остаётся неистребимый дух.

Одна из основных идей организаторов конференции: чтобы разобраться с каким-то опытом, нужно его сравнить с опытом других народов и стран. Понятно, что ГУЛАГ можно сравнивать с Освенцимом, но в этот раз среди докладчиков была и представительница ЮАР Пумла Гободо-Мадикизела. Она психолог и входит в комиссию по правде и примирению. Один из её тезисов: если травма не преодолевается и не изживается, она передаётся следующему поколению. Но чтобы всерьёз об этом говорить, нужно убедительно показать механизм, на уровне которого это происходит. Как антрополог и психолог она это и пытается делать. Её рассказ произвел на всех довольно сильное впечатление. Та травма, которая уже отодвинута от нас временной дистанцией, у них – дело 10-летнего прошлого: и палачи, и жертвы ещё живы.

Комиссия, которую представляла Пумла, устраивает открытые судебные разбирательства: стоит множество видеокамер, приглашают жертву и палача и устраивают очную ставку. Жертва публично рассказывает всё, что с ней сделал этот человек, вплоть до того, что приносит орудия пыток. Докладчица считает: то, что всё это произносится публично, при всех, чрезвычайно важно и для жертвы, и для палача.

К слову, многие на конференции говорили, что один из главных способов преодоления травмы, освобождения от неё – рассказ о том, что с тобой было. Иностранцы вспоминали, как бывшие узники ГУЛАГа рассказывали свои истории даже тем, кто не понимал русского языка. И в ответ на слова: «Он вас не понимает!» – порой отвечали: «Нам всё равно, нам нужно рассказать».

Для жертвы главная проблема в том, что она винит себя. Поэтому ей важно увидеть, что все встают на её сторону, и через это восстановить своё достоинство. Палачу же важно пережить, что то, что он делал, что казалось ему допустимым, – преступление. Во время открытого рассказа пробуждается совесть, появляется надежда на изменение сознания.

Мой доклад «Опыт Преображенного братства по увековечи-

ванию памяти о трагедии России XX века» прозвучал на секции, посвящённой практикам увековечивания памяти о ГУЛАГе в современной России, и в частности в Русской церкви. Жанна Кормина из Санкт-Петербурга рассказывала о царских днях в Екатеринбурге. Был представлен также доклад исследовательницы из Польши о том, как почитают новомучеников, в том числе в собственных семьях. Вера Шевцова из США рассказала о литургическом почитании новомучеников.

Знаменательно, что доктор исторических наук, профессор Центра изучения религии при Российском государственном гуманитарном университете Александр Агаджанян в своём вступительном докладе назвал среди наиболее значимых инициатив в сфере исторической памяти – Акцию национального покаяния.

Для меня было важно, что в европейском сообществе прозвучало свидетельство о том, что труд по сохранению памяти в России свершается и звучит призыв к покаянию.

Я благодарю Бога за возможность этой поездки, за возможность увидеть в контексте истории XX века то, что происходит здесь с нами, увидеть и заново понять важность того дела, которое вручает нам Господь. **КФ**

Только в труде души семья обретает крепость

Интервью с сотрудником Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ протоиереем Димитрием Рощиным, взятое в рамках подготовки дискуссионной площадки «Христианская семья» (фестиваль «Преображенские встречи» 2018 г.)

Беседовала Ольга Сеницына. Фото с сайтов medium.com, bramtrigory.ru

Две эти фотографии наглядно показывают, как разрушалась иерархия в семье. На левой фотографии, сделанной в 1910 году в Касимовском уезде Рязанской губернии, традиционная крестьянская семья. Справа — скорее всего, большак (старший в доме, семье, домохозяин; чаще всего им становился старший из нескольких взрослых сыновей), рядом с ним его жена, с левого края сидит старик-отец. Вторая фотография сделана в 1930-е годы. В центре на ней тоже сидит молодка (жена младшего сына), но старший сын уже не выглядит большаком, домохозяином, а старик-отец в заднем ряду смущенно потупил голову...

Отец Димитрий, каковы, на Ваш взгляд, основные проблемы современной семьи практикующих христиан?

Проблемы каждой современной семьи, в том числе и состоящей из практикующих христиан, очень глубоки, потому что в течение нескольких поколений было разрушено послушание родителям. Иначе говоря, нет никакой преемственности. Люди не научены слушаться друг друга, у них нет никакой иерархии. Те, кто приходит в церковь, как пра-

вило, стремятся к этой иерархии, но она, к сожалению, возникает в основном в несколько карикатурных формах и вырождается в слепое послушание, следование за старцами (к сожалению, чаще всего псевдостарцами — «младостарцами») — в то, в чём нет настоящей жизни. Увы, разрушено самое главное, что было.

Мы можем сколько угодно говорить о превосходстве православия над исламом, но культурная традиция у нас (в отличие от многих мусульманских народов)

глубоко разрушена, и это самая большая беда. Ведь любая система без иерархии мало жизненна. И церковь живёт, и существует, и выживает в первую очередь благодаря иерархии. Там, где есть непослушание, всё сразу начинает падать и рушиться.

Когда два человека вступают в брак, они берут на себя (и им об этом должны рассказывать в церкви) определённые обязательства: занимать каждый свою собственную нишу. И один уважает нишу другого: один глава, другой

в послушании. Это никого не умаляет, это не рабство, не низшее положение женщины, не какое-то уничиженное положение детей, это именно очень крепкая система, которая невозможна без каждой из своих частей. Брак невозможен без мужа, брак невозможен без жены и у каждого из них свои обязанности, за которые они отвечают друг перед другом и перед Богом. И так как никто этому людей не учит, то, к сожалению, что в церковной семье, что в нецерковной – везде одна и та же беда.

Редко случается, чтобы люди договорились «на берегу», в начале, чтобы брак зародился внутри церкви и общий духовник дал людям время узнать друг друга, и за это время успел наставить их, рассказать, кто какую занимает позицию в браке и как это важно. А ведь когда отношения потихоньку под это выстраиваются, когда у жены есть послушание мужу, то она и своих детей начинает воспитывать в послушании уже и себе, и мужу, потому что понимает, что такое послушание, какая от этого польза.

К сожалению, люди, как правило, не слушаются церкви... Мой духовный отец, который является духовным отцом многих сотен, а может быть, и тысяч людей, говорит мне: «Ты и дочка моя – очень близкие мне люди и любите меня совершенно беззаветно, но я вам сказать ничего не могу, вы сами по себе». Я всё время думаю, что я слушаю его, что я очень послушный, а на проверку оказывается – и я это знаю, – что я совсем не послушный. Вот эта самость, к сожалению, во всём преобладает, эта сумасшедшая гордость всё разрушает. И пока мы не вернём то, что мы утратили, у нас ничего не получится ни в церковных семьях, ни в светских семьях; нигде этого не будет.

У о. Иоанна Крестьянкина спрашивали, что нужно, чтобы

в России появились такие люди, как он – такой культуры, такого воспитания, такой чистоты. Он ответил: нужно, чтобы 5-6 поколений прожили в чистоте и в послушании у церкви. Видите, как интересно.

Вот у меня восемь детей, и я от них ничего не требую. Конечно, есть какие-то рамки, за которые им внутри семейного кодекса нельзя выходить. Но то, что они находятся в церкви, любят церковь, регулярно причащаются Христовых тайн, – это уже само по себе для меня чудо. И если они в этом удержатся, то значит, следующее за ними поколение, я надеюсь, будет уже другим, потому что они новые для меня люди. Ну кто из нас в младенчестве причащался святых Христовых тайн? Да практически никто! А они уже какая-то другая формация. Поэтому всё упование, как всегда, только на Господа Бога.

Вы называли основной проблемой семьи уравниловку, непослушание. Получается, что на самом деле нет главы семьи. Ведь чтобы стать главой семьи, нужно иметь ответственность за церковь. Понятно, что у священника есть служение, есть такая ответственность. А если речь о мирянах? Мы видим, что в церкви больше женщин, они более активны, и это последнее антропологическое катастрофы, того, что у нас в стране погибло или было уничтожено прежде всего самое лучшее мужское население. Как решать эту проблему? Откуда брать таких мужчин, которые за что-то отвечают?

Безусловно, с мужчинами настоящая катастрофа. Не знаю, с чем это связано, и думаю, что у этого много причин, и они разнообразны. Но если мы говорим, что женщины сильнее, то тогда и с них и спрос больше, правда?

Протоиерей Димитрий Рошин

Если ты такая понимающая, такая сильная, то и поставь себя на правильное место в семье, и все вопросы сразу будут решены. Ведь мы всегда ищем решения проблемы вне себя, а оно же всегда внутри нас. Вполне достаточно сознания одного. Апостол об этом говорит: «Если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять её; и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его. Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены?» (1 Кор 7:12, 13:16). Вполне достаточно сознания одного, чтобы он занял своё место и не тревожил другую половину. Муж не молится в семье? Значит, жена должна молиться за двоих. Дети не молятся? Значит, должна за двоих, троих, за четверых... Если мы говорим, что мы такие сильные, давайте тогда и докажем это, давайте потрудимся и не будем ныть. Потому что все ноют: вот, я несу на себе то-то и то-то. А Бог-то где? Почему ты исключаешь Бога, о котором апостол говорит: «Всё могу в укрепляющем меня Иисусе» (Фил 4:13)? Люди несут на себе такие тяжёлые кресты! Есть и священники, и врачи, и учителя. Я думаю, просто есть люди, которые несут на себе ответственность за сотни и, может быть, тысячи человеческих жизней, помогая, вразумляя, наставляя, молясь. И как правило, это люди по своей

физической природе достаточно хлипкие, из того же самого общества произошедшие. Откуда же у них такая сила взялась? Значит, просят у Бога, и Господь даёт такую силу. Он может любому её дать. И если у тебя семья, если ты отвечаешь за маленький участок, за мужа, за нескольких детей, плюс-минус несколько родственников, если ты такая сильная, то тогда у Бога и проси поддержки.

Здесь мы сталкиваемся с другой стороной всё той же проблемы самости: мы всё меряем своей собственной силой. Верующих людей среди нас очень мало, потому что верующий человек – это тот, кто предаёт свою жизнь Богу, и тогда у него появляется неограниченный ресурс. А мы хотим по гордыне своей всё сами. И наши прошения звучат так: «Я везде справляюсь, а здесь не справляюсь, Ты мне здесь помоги». Так не бывает. Если человек не понимает, что он ничто, что он сосуд глиняный, в который может вместиться и сила, и благодать Божия, то ему сложно, и он ни с чем не справится.

До революции люди всё-таки умели жить вместе. Были крестьянские общины. В больших семьях, и крестьянских, и купеческих, и дворянских, всегда был какой-то круг взаимопомощи и общения. Сейчас, когда общество достаточно индивидуализировано, как может церковь помочь людям, приходящим в неё из этого разрозненного мира, помочь семье? Всё, что Вы говорите, правда. Но не у всех есть такая вера и такое послушание, чтобы это выполнить. И семьи разрушаются, в том числе и христианские...

Прежде всего, не надо идеализировать то, что было до революции. Там были совсем другие условия жизни, не было такой

индустриализации, и поэтому люди просто жили общинно, и это было естественно. Сейчас это устройство жизни распалось в силу разных причин.

У церкви же, с моей точки зрения, есть лишь одна задача. Мы берём человека от рождения (если у нас есть такая возможность) и всю жизнь готовим его к смерти. Если на этом пути встречаются некие «положительные побочные эффекты» – счастливый брак или что-то ещё, это хорошо. Но никто нам этого не обещал. Потому что если мы посмотрим на иконостасы наших храмов, то увидим в первую очередь людей, которые всё отринули и ни о каком человеческом счастье заботы у них не было. Церковь – это большая лечебница, и преуспевают и излечиваются в ней те люди, которые активно обращаются к профессорам и к врачам. Это как с учёбой: хороший студент всегда где-то рядом с профессором, великий человек почти всегда чей-то ученик. Апостол Павел вырос «у ног Гамалиила», он сидел у колен учителя и слушал. И он стал апостолом Павлом, потому что слушал очень внимательно.

Церковь может помогать, может нести некую социальную службу, и это, безусловно, очень важно. Но у неё нет некоего «оберега», который она могла бы раздавать людям, чтобы у них всё было хорошо. Здесь нужен серьёзный труд самого человека рядом с Богом.

Мой личный священнический опыт показывает, что все семьи без исключения рано или поздно оказываются в той или иной степени распада. По разным причинам – усталости, отсутствию любви – они оказываются вблизи некой «крайней точки». И как духовник, который видит перед собой множество семей, я могу сказать, что сохранялись только

те, которые вместе начинали трудиться под чутким и постоянным руководством духовника, священника, встречаясь в формате муж, жена и священник, обсуждая проблемы, беседуя, работая над ошибками, прощая, терпя, молясь. И только в этом труде семья приобретала крепость: так после любого преодолённого искушения мы становимся сильнее и опытнее. У церкви есть механизмы, есть возможности, есть (хоть и мало их очень) опытные духовники, которые могут помочь людям сохранить их брак. Но для этого нужен труд человеческий, потому что по-другому не бывает.

Знаете, я застал великих старцев живыми. И я часто видел, как после службы к ним сбегался народ. Кто-то подбегал и из толпы и говорил: «Батюшка, помолитесь обо мне. Грешен я». А отцы на это отвечали: «Я-то буду за тебя молиться, а ты что будешь делать?» Потому что одной молитвы церкви за человека недостаточно. Он должен обязательно потрудиться. Это его жизнь. Он несёт за неё ответственность. И если человек хочет, то Господь ему поможет, потому что всё в руках Божиих, Ему всё возможно, Он всякую кривизну может исправить.

Одна из связующих нитей семейного общения – это живая связь между поколениями, интерес к истории своей семьи. Как его возрождать?

Если дети вырастают в семье, которая является настоящей семьёй, то им самим становится интересно, что было до них. Если же они вырастают в семье, которая семьёй по сути не является, то они неуважительно относятся к ней и к тому, что было до неё, потому что они эту семью терпеть не могут. Вот и всё. Так что здесь очень простая формула возрождения. **КФ**

Главное в семье – чему она служит

Интервью с духовным попечителем Преображенского братства священником Георгием Кочетковым для дискуссионной площадки «Христианская семья» (фестиваль «Преображенские встречи» 2018 г.)

Беседовала Ольга Подколзина. Фото: Александр Волков

Какие проблемы семьи, состоящей из практикующих христиан, Вы видите?

Семья в наше время – это всегда проблема. Любая семья. Поэтому не будем удивляться тому, что и в христианской среде – в церковной, в том числе и братской, среде – эти проблемы есть. Их огромное количество прежде всего потому, что люди совсем не знают, что такое семья. Это и не мудро; обвинять в этом кого-то трудно, поскольку старые, конца XIX – начала XX века, понятия о семье уже отошли в прошлое. Как бы мы ими ни любовались, их уже нет и, к сожалению, не будет. Сейчас под именем семьи существует что-то другое. Да, чаще всего в ней есть какая-то привязанность, любовь и благодарность друг другу. Есть и желание исправлять свою жизнь и воспитывать детей по-божески и по-человечески.

Другой вопрос – как это осуществляется.

Главная проблема в том, что очень часто отношения между супругами не строятся на желании воцерковить свою семью и свой брак, сделать его церковным во всех отношениях. И здесь много аспектов.

Одна из проблем: кто глава семьи? В лучшем случае в ответ на этот вопрос вы услышите про всеобщее равенство, то есть уравниловку, а в реальности сплошь и рядом главой семьи в наше время является, простите, женщина. И от этого никуда не уйдёшь. Нравится это кому-то или не нравится, но это массовое явление. Более того, это считается нормой. Поэтому совершенно неудивительно, что у нас отцы, мужчины катают коляски, заменяют собой няньку или пустышку, чуть ли не кормят детей грудью. *(Смётся.)*

Есть и другие проблемы. Как воспитывать детей? Что мы хотим от них? Ведь в это вкладывается любая семья, в которой есть дети, а в большинстве семей всё-таки, слава Богу, дети есть. И здесь сплошь и рядом христиане демонстрируют просто удивительные для меня вещи. Совсем недавно проводился опрос: «Какими вы видите своих детей в будущем (скажем, в 25 лет)?». И более 90% людей верующих, братских, ответили так, что стало ясно: им нужна социализация детей, а не воцерковление. Они, конечно, не против воцерковления, не против

того, чтобы дети были верующими. Но они хотят им прежде всего социального, материального, физического благополучия, то есть того же, что и неверующие люди. Практически никто не ставит на первое место задачи духовные, задачи исполнения детьми призывания, раскрытия их духовных дарований, ради чего пришлось бы пожертвовать какими-то благами: может быть, зарплатой, престижной работой или семейным уютом и стремлением делать всё что хочешь в рамках своей семьи. Некоторые при этом говорят, что не должно быть фанатизма. Но они путают при этом фанатизм и ревность о Господе. А это всё-таки не одно и то же.

Есть ещё один аспект, которого необходимо коснуться. Не только церковь, но и общество всегда считали вопросы семьи и брака сферой своих внутренних, глубинных интересов. И здесь нужно говорить не столько о контроле, сколько о заботе. Люди всегда требуют заботы: и со стороны общества, и со стороны родственников, и со стороны Господа Бога и Его Церкви, или братства, общины – смотря как устраивается духовная жизнь брачных людей. Однако в то же время они часто считают, что все вопросы семьи и брака – это сугубо их личное дело: с кем хочу – вступаю в брак, захочу – развожусь... В наше время сплошь и рядом даже верующие люди забывают, что строить семью на непрочном основании не

Бегство в Египет (Акафист Пресвятой Богородице, кондак 6).
Фреска монастыря Высокие Дечаны, Косово, Сербия. Около 1350 г.

следует. Надо приложить усилия, пусть даже с каким-то риском иногда, если вы хотите, чтобы семья была крепкой, настоящей и всё-таки христианской. Для этого надо, чтобы оба супруга были верующими, а не просто крещёными и иногда ходящими в храм. Существует соответствующий церковный канон, но даже не это самое главное. Просто если строить семью на раздвоенных или мирских основаниях, то мы, конечно, сразу получаем большой процент разводов. Ведь законы мира сего предполагают возможность смены партнеров, и не один раз – причём вполне открыто и законно. Чтобы проявить в этих вопросах заботу церкви о семье, мало просто приходских консультаций по вопросам брака. Нужно ещё и что-то более глубокое, то общение, которое может существовать в братской, общинной среде. Но для того, чтобы советоваться по этим вопросам с братьями и сёстрами, нужно глубокое доверие. И родовая семья, так же как церковная, братская община должна жить по доверию. Вот это я считаю очень важным,

а ведь об этом соборном начале в связи с семьёй меньше всего говорят в наше время. Это жаль.

Говоря об этом, не надо объективировать понятие церкви, ведь тогда оно становится некой внешней силой по отношению к нам, что трудно истолковать в евангельском духе. Всё-таки церковь – это прежде всего люди, отдавшие своё сердце Христу. Нужно чтобы и в семье так было, чтобы в ней всё делали ради присутствия Христа в своей жизни: рождали детей и вообще вступали в брак ради Христа! И семью создавали ради Христа, как это ни странно звучит в наше индивидуалистическое время произвола и безответственности. И это, может быть, самая большая проблема. Люди всё делать ради Христа в своей семье, своём браке не умеют и часто даже не очень хотят. Им кажется, что кроме семьи и Христа существует ещё третье, пятое, десятое в жизни. Много разного, и везде надо успеть. А ведь главное в семье – чему она служит, чему готова посвящать своё время, силы, средства, а чему не готова.

Каковы же пути решения этих проблем?

Пути очень простые. Они известны всем христианам; во всяком случае, должны быть им всегда известны. Прежде всего, начинать надо с простого – всем давать авансы любви и доверия. Быть открытыми, и не просто открытыми; эту открытость нужно освятить, пропитать любовью ко всем ближним и любовью к Богу, как сказано в заповеди. Эти две заповеди должны всегда лежать в основе жизни любого зрелого христианина. И можно лишь сожалеть о том, что далеко не все люди об этом знают и этого придерживаются. А ведь это первое и главное: «Взыщите прежде Царства Небесного и правды его, а всё остальное приложится вам». Можно сказать и так: взыщите прежде всего любви Христовой и веры Христовой, окажите всем доверие и милость, внесите творческое, открытое, дерзновенное начало в свою жизнь, и тогда у вас всё в жизни получится! **КФ**

Протоиерей Иосиф Фудель: как клирикам и мирянам жить вместе?

По материалам доклада Надежды Валерьевны Винюковой (МГУ им. М.В. Ломоносова)
на фестивале «Преображенские встречи» (август 2018 г.)

Фото с сайта www.rp-net.ru/book/vystavki/fudeli.php

Сто лет назад, 15 октября 1918 года, умер Иосиф Иванович Фудель (1864–1918), замечательный священник и подвижник, отец духовного писателя Сергея Фуделя.

За свою жизнь отец Иосиф прослужил в трёх очень разных сферах: в Белостоке, Бутырской тюрьме и на Арбате. И каждый период дал очень многое: Белосток воодушевил идеей братств, тюрьма дала колоссальный жизненный опыт, приход храма Николы в Плотниках на Арбате стал одним из лучших в Москве. И паства была очень разная – население западных земель, каторжане, московская интеллигенция.

Фуделя очень волновал вопрос оживления «церковно-приходской жизни». И он был одним из немногих, кто уловил важнейшие её вопросы – как организовать живую церковную жизнь, и как быть Церкви с далёкой от неё интеллигенцией. Об этом он много писал, и многое сделал на этой ниве.

Тема интеллигенции всегда стояла для него остро. В этой связи для нас чрезвычайно важна биография отца Иосифа – он происходил из неправославной семьи (отец – православный, но нерелигиозный немец, мать – польская католичка), окончил Московский императорский университет, немного проработал юристом и принял сан (поступок для юноши с университетским образованием на то время весьма неординарный). Накануне – женитьба на верующей девушке – Евгении Сергеевне Емельяновой, повлиявшей на его становление в вере и ставшей его соратницей во всем, знакомство и дружба с философом Константином Николаевичем Леонтьевым, сыгравшим заметную роль в рукоположении Фуделя, поездки в Оптину пустынь... Примечательно, что и Фудель, и Леонтьев, который примет монашество незадолго до смерти, – оба суть интеллигенты, вернувшиеся в Церковь. Поэтому этот переход – внутрь церковной ограды – давал им очень острое понимание отчужденности интеллигенции, которая в то

время с церковью никак не ассоциировалась, скорее ей противостояла.

Потому так ощущалась потребность в церковной интеллигенции, которая могла бы просвещать народ, развивать в невежественном крестьянине сознательного христианина. Интеллигенцию с иным мировоззрением, считал Фудель, народ не услышит (подобно тому, как провалилось «хождение в народ») – нужно именно «православное народничество»¹.

Сознавая эти проблемы, Фудель стал не просто мирянином, но клириком – в надежде сделать как можно больше, как можно сильнее приблизиться к народу. В юности, в 1880-е годы, он верил, что Россия стоит на распутье и может ещё встать на самобытный путь, сделав, в лице интеллигенции, мировоззренческий выбор, шаг к Церкви. Но и важное, что он понял впоследствии: Церковь тоже может делать эти шаги, нести свою миссию среди интеллигенции. Это было время широкого размаха периодических изданий, общественных кружков и собраний, среди которых и Церкви нужно было занять свою нишу, найти подход к «обществу» в новых реалиях.

Но увы, отцу Иосифу суждено было действовать в условиях нарастающей революции, время играло против. Совместно со своим другом, будущим новомучеником Михаилом Александровичем Новосёловым, он разрабатывал программу т. н. Религиозно-философской библиотеки. Это был уникальный издательский проект начала XX века, призванный через избранные произведения, как Отцов Церкви, так и известных современников, от славянофилов до западников и социалистов (это мог быть, допустим, не только И.В. Киреевский или А.С. Хомяков – но и А.И. Герцен или Л.Н. Толстой), приводить читающую публику к «вечным» вопросам и христианским ответам.

Вокруг Новосёлова со временем соберется кружок единомышленников, объединяющий и клириков, и мирян, некоторые из которых потом сами примут

¹ Фудель И.И. Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли. М., 1888.

И.И.Фудель в кабинете дома на Арбате.
Москва, 1910-е гг.

Отец Иосиф Фудель и ученицы гимназии
С.Н. Фишер. Москва, 1910-е гг.

И.И.Фудель.
Москва, 1910-е гг.

сан (как, например, С.Н. Булгаков). Этот московский «кружок друзей» в своем составе пересекался с меж-приходским Братством Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа (существовавшим в 1909–1918 гг.). Братство стремилось вовлекать мирян в богослужение и церковную благотворительность, участвовало в подготовке Поместного собора. В приходах, которые поддерживали Братство, вводилось общецерковное пение². Вообще, идея братств очень импонировала отцу Иосифу, её (как и идею общецерковного пения) он почерпнул ещё во время своего первого служения в Северо-Западном крае³, где братские отношения имели глубокую традицию.

В печати отец Иосиф активно продвигал эти идеи. Он писал: «Лучшие прихожане поглощаются общим течением жизни всей толпы. Чтобы возвысить их пример, пастырю нужно поощрять развитие братств, обществ трезвости и других. <...> Это объединённое “малое стадо” и есть то ядро, без которого невозможно развитие нормальной церковно-приходской жизни... К задачам приходских братств относятся одинаково как дела христианской благотворительности и украшения храмов... так и распространение духовного просвещения»⁴. При этом отмечал в братском деле особую роль священника: «Нужны доброе желание и энергия пастыря; добровольное согласие лучших прихожан, избранных пастырем, согласие следовать во всём за ним, являть пример послушания ему и подчинения церковным уставам. <...> Пастырь прихода, как

лицо, принявшее на себя ответственность за каждую вверенную ему душу, является естественным главой всякого учреждения, связанного с церковью и приходом»⁵.

В арбатском приходе Фуделю принадлежала достаточно редкая для того времени инициатива издания «Приходского вестника», который рассылался по всем домам прихода. Там звучали призывы к взаимопомощи (устройство склада одежды для бедных, рождественской ёлки для детей, сбор для слабоумных и припадочных детей и др.), велась борьба с заповолившимися район адвентистами (проводились собрания и споры с ними)⁶. Такая практика убедила Фуделя в незаменимом значении печатного приходского органа. Эта деятельность давала такие неосозаемые результаты, как развитие чувства взаимной связи и церковного единства, а это – то главное, как верил Фудель, чего нужно искать для возрождения приходской жизни⁷.

Благотворительные инициативы Фуделя имели широкий размах: он умудрялся помогать и заключённым Бутырки, и голодающим Поволжья. Успевал преподавать в женской гимназии, читать лекции для рабочих в Историческом музее (одно время был воодушевлён идеей культурной работы среди рабочих), был первым издателем многотомного собрания сочинений К.Н. Леонтьева... Его неравнодушная, деятельная натура являла собой пример как для пастырей, так и для мирян. И кажется, что и сейчас нам есть чему поучиться у отца Иосифа. **КФ**

² Дашевская З.М. Обзор деятельности Братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа (1909–1917 гг.) // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. Выпуск 5. М., 2012. С. 147.

³ Фудель И.И. Наше дело в северо-западном крае. М., 1893. С. 26–27.

⁴ Фудель И.И. Основы церковно-приходской жизни. М., 1894. С. 6, 9, 24.

⁵ Там же. С. 10, 14.

⁶ Приходской вестник. 1909, №7. Май // Архив ДРЗ им. Солженицына. Ф. 8. Оп. 1. Д. 7.

⁷ Там же.

Братский помянник

11 октября в Соловецком лагере отошла ко Господу Анна Лыкошина (1884–1925).

В возрасте 40 лет, имея серьёзные заболевания, Анна Петровна была арестована в Ленинграде по делу Спасского братства вместе с руководителем братства будущим митрополитом Мануилом (Лемешевским) и священником Владимиром Лозина-Лозинским. Всю жизнь Анна Петровна была глубоко верующим человеком и постоянной прихожанкой храма преподобного Сергия Радонежского на Сергиевской улице в Санкт-Петербурге (ныне улица Чайковского). Была членом двадцатки. На допросах не признала себя виновной в предъявленных ей обвинениях. Прославлена в лике святых в 2000 году.

28 октября отошёл ко Господу епископ Афанасий (Сахаров) (1887–1962).

Член Поместного Всероссийского собора, он уже в

33 года стал епископом и меньше, чем через год после хиротонии, в 1922 году, был арестован. Всего же он пережил 7 арестов, а в лагерях и ссылках провёл в общей сложности более двадцати лет. Своё положение заключённого он считал более лёгким, чем положение тех, кто оставался на воле, и называл тюрьму «изолятором от обновленческой эпидемии».

Монахиня Тавифа (Рябова) писала: «Чуть живой после пыток, вл. Афанасий обычно говорил, сдерживая стоны: “Давайте помолимся, похвалим Бога”. И запевал: “Хвалите имя Господне”. При пении он оживал. Вновь пришедших узников святитель Афанасий ободрял: “Давай похвалим Бога. По Своей великой милости Господь тебя сподобил немного за Бога пострадать. Благодарю Бога, благодари Бога”. Сам начинал петь, другие подхватывали...»

Предположительно 30 октября был расстрелян протоиерей Философ Орнатский (1860–1918) с сыновьями Николаем (1886–1918) и Борисом (1887–1918).

Отец Философ проповедовал не только в храме, но и выезжал на фабрики, много общался с верующими в том числе с молодежью, стал основателем Христианского

содружества учащейся молодежи в Петербурге.

Отец Философ в течение 26 лет возглавлял Общество распространения религиозно-нравственного просвещения, многие участники которого стали впоследствии руководителями и членами православных братств. Он участвовал в основании Свято-Исидоровского эстонского братства и помогал в строительстве братского храма. Всего при участии о. Философа в Петербурге было построено 12 храмов, в т. ч. храм Воскресения Христова у Варшавского вокзала. При этом храме, ставшем центром трезвеннического движения в городе, существовало Александро-Невское общество трезвости, к созданию которого также имел отношение о. Философ. Когда в 1918 году советская власть попыталась реквизировать помещения Александро-Невской лавры, именно о. Философ предложил провести грандиозный крестный ход в её защиту.

В 2000 году о. Философ Орнатский вместе с сыновьями были причислены церковью к лику святых.

30 октября 1959 года отошла ко Господу монахиня Макария (в миру Ольга Осиповна Костецкая, 1893¹–1959).

Она происходила из дворянского рода. В 1918 году закончила словесное отделение Петроградского женского педагогического института, преподавала в школах, была воспитательницей Комиссии по делам несовершеннолетних, затем работала машинисткой. В 1919–1920 гг. была членом

Захарьевского братства в Петрограде. В декабре 1920 г. перешла в Александро-Невское братство, в 1922 г. была его делопроизводителем. В 1921–1922 годах училась в Петроградском богословском институте. С 1922 г. в течение 10 лет (до ареста) была старшей сестрой иноческой общины Александро-Невского братства на Конной улице, основанной по благословению архим. Гурия (Егорова). В ней проживало 10–12 сестер. Духовным руководителем общины был архимандрит Варлаам (Сацердотский; расстрелян 11 сентября 1937 г.). Устав предусматривал общую молитву, обязательное посещение храма, воздержание от посещений кинотеатров и театров, «воздержание от общественной работы, которая направлена к разрушению религии».

В 1932 году были арестованы архимандрит Варлаам и сестры общины. Отец Варлаам был приговорен к десяти годам лагерей, а Ольга Осиповна – к пяти. Срок она отбывала в Карагандинском лагере.

После освобождения Ольга Осиповна в 1938 году поселилась в поселке Беш-Бала под Ферганой в общине архим. Гурия (Егорова), к которой присоединялись освобождённые из заключения члены Александро-Невского братства. Архимандрит Гурий постриг Ольгу Осиповну в монашество с именем Макария (в память её двоюродного дедушки – оптинского старца Макария). После назначения архимандрита Гурия в 1946 году епископом Ташкентским монахиня Макария переехала в Ташкент, где и скончалась в 1959 году. **КФ**

¹ Источники дают разную информацию о годе рождения м. Макарии (1893, 1894, 1895), не расходясь при этом в дате: 5 ноября.

После десятилетий забвения и неизвестности

Большая выставка, посвященная 100-летию со дня гибели протоиерея Философа Орнатского, была открыта у стен Казанского собора в Петербурге в конце августа

Беседовала Анастасия Наконечная. Фото: Андрея Петрова, Анастасия Наконечная и с сайта mitropolia.spb.ru

Многометровая конструкция, расположенная вдоль колоннады собора, хорошо видна с Невского проспекта. Она рассказывает о многих гранях жизни известного в городе священника, ставшего одной из первых жертв Красного террора. Последние пять лет своей жизни отец Философ был настоятелем петроградского Казанского собора. Организатором выставки стал Константино-Еленинский монастырь: в течение 20 лет о. Философ оказывал помощь в строительстве подворья монастыря в Петербурге на Рижском проспекте. До этого силами монастыря был издан большой том проповедей о. Философа.

К торжественному открытию выставки свое приветствие прислал митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Варсонофий.

Краевед Олег Павлович Вареник, почётный житель поселка Стрельны и основатель местного музея, рассказал нам об одном из предполагаемых мест расстрела о. Философа — разрушенной ныне дамбе под Стрельной. Сейчас на этом месте у моря стоит памятный крест, рядом находится часовня во имя Николая Чудотворца. Планируется построить и храм в память о. Философа.

Мы попросили игумению Илариону (Феоктистову), настоятельницу Константино-Еленинского монастыря, рассказать о выставке. Уже после интервью я спросила её о тех обществах, собиравших вместе мирян и духовенство, которые возглавлял о. Философ, и о том, насколько актуально подобное собрание сегодня. Матушка ненадолго задумалась и сказала, что о. Философ глубоко знал церковную традицию, именно с опорой на неё подобное собрание нужно и сегодня.

На открытии выставки

Отец Философ Орнатский

Игуменя Илариона (Феоктистова)

Как возникла мысль об этой выставке?

В этом году исполнилось 100 лет преставления священномученика Философа (Орнатского). Так как подворье нашего монастыря в Санкт-Петербурге – это храм преподобномученика Андрея Критского на Рижском проспекте, строителем и настоятелем которого в течение 20 лет был сщмч. Философ, нам особенно дорога память этого святого. В прошлом году мы и задумались: как бы в 2018 году её почтить, насколько это в наших силах. Выставка – один из пунктов этой программы.

В этом году вышло из печати впервые осуществленное в наше время издание трудов о. Философа (Орнатского). Мы издали книгу его проповедей. Этот материал собирался родственниками в течение многих лет, но они не могли его издать.

27 октября у нас на подворье пройдет конференция, посвященная о. Философу. Сейчас изготавливается мемориальная доска, которая должна быть установлена там же, у нас на подворье. К 30 октября будет открыт посвященный о. Философу сайт; там будут в том числе и материалы выставки. Центральная же дата празднования – 30 октября.

Удивительно! Именно на этот день приходится память жертв советских репрессий.

Это удивительное совпадение, потому что в этот день празднуется и память прмч. Андрея Критского: престольный праздник храма, где служил о. Философ. Дата его гибели точно не известна, но день её близок к 30 октября, поэтому в этот день мы и будем его особенно вспоминать...

Так важно, что имя о. Философа вновь звучит после десятилетий полного забвения и неизвестности! Казалось, что его никогда не вспомнят. Но вдруг это оказалось возможным. Вплоть до выставки в центре города.

А в монастыре и на подворье тоже почитают его память? Прихожане знают о нем?

Конечно, знают. Мы заказали большую икону о. Философа с сыновьями, она находится у нас в храме. Сделали и множество небольших икон, чтобы каждый, кто хочет, мог приобрести её для себя. 13 июня, в день церковной памяти о. Философа, мы каждый год торжественно служим, и на это богослужение собираются все почитатели о. Философа. Тут иногда оживает сама история, потому что собираются и потомки прихожан; у кого-то родные были крещены о. Философом в этом храме. Так это все становится совершенно живым, несмотря на прошедшие 100 лет, такие непростые. И, конечно, мы молитвенно обращаемся к нему.

Замечательно, что материалы выставки будут на сайте. Возможно, не все желающие смогут на неё прийти.

Да-да, в течение месяца не все, конечно, успеют. На сайте будет всё, в том числе и большая архивная часть: документы, фотографии.

А Вы планируете потом эту экспозицию где-то ещё выставлять?

Да, это передвижная выставка, и очень хотелось бы, может быть, провести её и в других регионах.

Есть у нас и паломнические маршруты, в том числе посещение мест, связанных с о. Философом – и в Петербурге, и в других местах. На его родину мы тоже ездили. Это Череповецкий район на Вологодчине, погост Новая Йорга.

Сотрудничаете ли Вы с какими-нибудь научными или учебными учреждениями, где изучают опыт сщмч. Философа (Орнатского)? Я недавно читала бакалаврскую работу студентки Свято-Филаретовского института, посвященную Обществу распространения религиозно-нравственного просвещения. Там большое место было уделено о. Философу.

Сейчас наша научная работа только начинается. Конференция будет первой, и мы с удовольствием приглашаем к участию в ней всех желающих. **КФ**

Кто-то говорит, что у него ума нет, кто-то – что нет сил, времени... Но если просить у Бога, то Он *из ничего* может это дать

«Кифа» продолжает серию материалов, посвящённых 30-летию СФИ. В каждом из номеров преподаватель и студент рассказывают про очередные 5 лет жизни института. Сегодня речь о пятилетии 2003–2008 гг.

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная. Фото из архива СФИ

Агапа Ассоциации выпускников и студентов СФИ. Начало 2007/2008 учебного года

Рассказывает выпускница Свято-Филаретовского института,
зам.декана факультета религиоведения,
старший преподаватель СФИ Анна Алиева

Что Вы вспоминаете о времени своей учёбы? Вступительные экзамены были сложными?

Для меня время вступительных экзаменов было захватывающим приключением и одновременно прорывом в духовной

жизни. Я окончательно решила поступать за две недели до начала вступительных экзаменов, так же как и ещё несколько моих друзей из моей общины. И мы решили вместе готовиться, чтобы помочь друг другу: читали Священное Писание, подготовительную литературу и всё, что было возможно,

и обсуждали. Эти неожиданные и захватывающие семинары трудно забыть, тогда нам гораздо глубже открылось Писание, особенно Ветхий завет, который мы потом стали читать всей нашей общиной. Так в ходе подготовки к вступительным экзаменам и началась наша учёба, это был 2002 год.

Из истории СФИ

– 2 декабря 2006 года, в день памяти святителя Филарета Московского, родилась Ассоциация выпускников и студентов СФИ (АВиС) Создание АВиС было инициативой самих студентов, слушателей и выпускников разных лет начиная с самых первых, окончивших СФИ в начале 1990-х годов

Семинар по проблемам миссии. 2007 г.

И всё молодежь?

Нам всем (Кириллу Мозгову, Екатерине Архипенко, Екатерине Токарь (ныне Степановой), Алексею Абрамову и мне) было по двадцать с небольшим.

Первый курс я помню плохо, потому что параллельно с учебой защищала диссертацию в аспирантуре Московского университета. Но я помню, что у нас были с одной стороны творческие, а с другой стороны, очень классические преподаватели.

У нас был хороший, дружный курс. Но учёба – напряжённое время, поэтому то у одного, то у другого студента терялось вдохновение, и отец Георгий, наш ректор, как-то во время исповеди нашего курса посоветовал нам провести семинар о смысле духовного образования. И вот кто-то подготовил цитаты из Писания, кто-то из тех или иных статей – и мы провели очень вдохновляющий семинар, который дал нам лучше понять смысл духовного образования и восстановил силы и вдохновение на долгое время. Я недавно открывала записи, подготовленные к этому семинару, и даже сейчас почувствовала, как это было хорошо.

Из предметов на меня самое большое впечатление произвели догматика и аскетика. Из аскетики я поняла, что не нужно уничто-

жать в себе всё живое. Раз грех – это паразит на хорошем качестве, значит, нужно очищать хорошее качество, а не отбрасывать. А на догматике я вдруг поняла: слова о том, что Господь мир творит из ничего – это не что-то отвлеченное. Да, все знают, что Господь творит мир из ничего, спросите у любого студента богословского вуза, и он вам это расскажет. Но я вдруг поняла, какое это имеет отношение к нам! Кто-то говорит, что у него ума нет, кто-то говорит, что нет сил, времени... Но если просить у Бога, то Он *из ничего* может это дать. Вот это, можно сказать, два главных откровения, полученных мной во время учёбы.

Я училась в СФИ восемь лет, закончила одну ступень, потом вторую, и в 2010 году завершила обучение. И помню, что когда я закончила все эти ступени, тут я и поняла, сколь многого ещё не знаю, в каком направлении двигаться и что мне нужно читать. Это и было итогом моего богословского образования.

И ещё был один итог. Когда я вела огласительные встречи и думала, как мне одолеть сложные таинствоводственные темы, то оказалось, что с богословским образованием, полученным в СФИ, их можно понять и одолеть так, чтобы смочь объяснить другим.

А как появилась Ассоциация выпускников и студентов?

Наш курс был очень дружным, и следующий за ним – тоже. Там учились Наталья Игнатович и Анна Дмитренко, с которыми мы вместе работали в информационном отделе СФИ. И вот мы решили провести агапу вместе двумя курсами и ещё, вспомнив, как наш декан Зоя Михайловна Дашевская неизменно повторяла, что нужно заботиться о заочниках, пригласили и их тоже. Мы заполнили всю институтскую трапезную. И вдруг поняли, что вот так и надо собираться студентам. Потом через год или через полгода прошла вторая агапа, на которую мы пригласили в большом количестве уже разные курсы. И стало понятно, что нужно что-то делать вместе. Так родилась идея ассоциации. И на большой встрече в 2006 году она действительно возникла. Вряд ли можно сказать, что она сворачивает горы, но несколько важных проектов она осуществляет. Среди них, например, альманах Свято-Филаретовского института (это дело мы начинали), финансовая поддержка института, поддержка участия студентов и преподавателей в научных конференциях, проведение научно-богословских тематических семинаров в СФИ.

Протопресвитер Виталий Бровой
в СФИ. 2006 г.

Защита выпускных работ. 2007 г.

На лекции. 2007 г.

Рассказывает преподаватель церковнославянского языка Кирилл Мозгов

Когда Вы начали преподавать в СФИ церковнославянский язык?

Я начал учиться и преподавать в СФИ одновременно, в 2002 году.

Я входил в переводческую группу молодых филологов, в основном старшекурсников и выпускников разных филологических факультетов, которую к тому моменту собрал отец Георгий Кочетков. В этой группе были два человека с русского отделения разных вузов (РГГУ и ГАСК) и ещё один с классического отделения. Мы приезжали к о. Георгию и медленно, но верно продвигались в работе над переводом православного богослужения с греческого на русский язык.

Я закончил филологический факультет Государственной академии славянской культуры и учился в аспирантуре.

И вот весной 2002 года отец Георгий сказал мне: «Нам осенью будет нужен преподаватель церковнославянского, наверное, тебе надо пойти преподавать».

Я со всей молодой горячностью стал объяснять, что я писал диплом и вообще занимался историей русского языка. Мы изучали старославянский язык, историю древнерусского языка, это всё – научные дисциплины, а про церковнославянский язык говорить неинтересно, это некое искусственное образование. Только в августе я понял, что все мои возражения не были приняты, и деваться мне некуда, нужно выручать институт, потому что предыдущая преподавательница ушла в декрет, язык преподавать некому, до начала учебного года остаётся чуть ли не три недели...

И тут меня посетила мысль, что очень странно преподавать в институте, в котором ты не учился. Тогда же я обнаружил, что четыре члена моей общины уже в течение нескольких месяцев вместе готовятся к поступлению в СФИ, а я об этом даже не подозревал. Они встречались, что-то обсуждали, разбирали. И вот все мы в 2002 году поступили в СФИ, а я начал ещё и преподавать. Причём церковнославянский язык я преподавал второму курсу, а учился на первом.

А потом, когда учились на 2 курсе, Вы преподавали своим студентам-однокурсникам?

Да, я преподавал своему курсу.

На что было похоже преподавание в СФИ?

Я тогда работал в небольшом издательстве и, как большинство людей, приходил на занятия после работы. У меня была одна лекция в неделю; в остальные вечера я приходил как студент.

С одной стороны, это была знакомая мне среда и люди, которых я давно знал. С другой стороны, когда ты прибегаешь с другой работы, чтобы только прочитать одну лекцию, то погрузиться в жизнь института трудно. В институте всегда было достаточно тесно, так что традиционной преподавательской, какая бывает во многих вузах, не было. Поэтому могло получиться так, что ты вообще ни с кем не пресекаешься, никого не видишь, кроме своих студентов.

К тому же, конечно, первый год проходил для меня трудно, ведь раньше я преподавал другой язык, старославянский, и нужно было перестраиваться. Поэтому, по крайней мере первый год, основные усилия у меня ушли на то, чтобы отработать программу.

А что Вы как преподаватель можете сказать о студентах того времени?

Большую часть студентов (как, наверное, и сейчас) составляли люди с высшим техническим образованием. Поэтому учить

Начало учебного года в СФИ. Лекция Ольги Седаковой. 2006 г.

язык им было тяжело. И один из моментов, к которому мне пришлось быстро прийти, – это то, что изучение церковнославянского языка нужно начинать с воспоминания о русском языке, фактически освежая в памяти его грамматику. Потому что без этого просто невозможно было двигаться дальше. Оказалось, что люди не помнят даже саму терминологию, и учить при этом иностранный язык, каким является церковнославянский, безусловно, трудно. (Исходить из того, что русский и церковнославянский язык похожи, опасно. Безусловно, родственные отношения между этими языками есть, но это не ближайшее родство, а как минимум двоюродное.)

Я очень быстро пришёл и к тому, что важно рассказывать людям о том, *что* это за явление – церковнославянский язык. Невозможно просто изучить грамматику, спросить с людей потом какие-то элементарные навыки понимания и перевода и на этом успокоиться. Поэтому довольно быстро получилось так, что я стал начинать курс с вводных лекций, где кратко рассказываю историю церковнославянского языка от возникновения письменности до современности, его взаимоотношения с языком русским – древнерусским и современным. Я считаю, что это не менее важ-

ная составляющая курса, чем изучение грамматики.

Что же касается студентов, то все курсы разные. Понятно, что если на курсе есть люди с гуманитарным, а особенно с филологическим образованием, всё строится несколько иначе. Были курсы более заинтересованные, с которыми мы даже специальные семинары проводили, например, разбирая современные и столетней давности дискуссии о месте и роли церковнославянского языка.

Для многих студентов учёба в СФИ – не первое образование. Мотивация в таких случаях может варьироваться, но в любом случае она довольно существенно отличается от той, что связана у молодёжи с первым светским образованием. Даже если у взрослого человека богословское образование является первым высшим, всё равно он должен идти на определённые жертвы и понимать, зачем он на эти жертвы идёт. Когда у людей и так достаточно плотная жизнь – и рабочая, и часто уже семейная, и церковная, то понимаешь, что с ними можно говорить как-то по-другому. Всё-таки небольшой опыт преподавания в обычном вузе у меня был, да и не так давно я сам был студентом и, конечно, видел большую разницу.

Если говорить об отношениях преподавателя и студента, то в

СФИ ты гораздо чаще понимаешь, что говоришь со студентом на одном языке. Не нужно часто прибегать к каким-то дисциплинарным мерам, без которых невозможно преподавание в обычном вузе. Хотя и невозможно совсем без дисциплинарных мер; очень быстро к некоторым из них пришлось прибегнуть, и я до сих пор ими пользуюсь. Язык предполагает регулярную работу, и поэтому практически каждое занятие сопровождается домашним заданием. Мы, как правило, разбираем эту работу вместе на занятии. Но разбираем её только с теми, у кого она сделана. Если человек работал дома, значит, мы с ним работаем вместе. Если нет, значит, он сидит и слушает, но не участвует в этом процессе: это его выбор.

А как строилось общение между преподавателями?

Были регулярные заседания кафедры, но к преподавателям языка было немного особое отношение. Так что в течение года общение происходило в основном со студентами и, по мере необходимости решения каких-то вопросов, с деканатом. Но что очень вспоминается, так это институтские агапы, в которых участвовали и преподаватели, и студенты. Это всегда был очень важный собирающий момент.

КФ

В поисках недостижимого единства

Очередной обзор трёх месяцев гражданской войны, с которых прошло ровно сто лет, подготовила Александра Колымагина

Осень 1918 года – это последние месяцы Первой мировой войны. Хотя формально она закончилась подписанием Версальского договора в июне 1919 года, но после ноябрьских волнений 1918 года¹ Германия фактически капитулировала вместе со своими союзниками. После подписания Компьенского перемирия 11 ноября 1918 года военные действия практически не велись. Это не могло не сказаться и на ходе гражданской войны в России.

По условиям перемирия Германия должна была денонсировать Брест-Литовский договор с правительством большевиков. Германские войска должны были оставаться на территории России до прибытия войск Антанты, однако это произошло только в нескольких городах (Севастополь, Одесса). По договорённости с германским командованием (по другим сведениям, по договорённости с солдатскими советами отводимых с Украины германских частей) на территории, с которых выводились германские войска, начала вступать Красная армия. К концу осени она заняла почти всю Белоруссию и часть Прибалтики, создавая в занятых областях советские правительства. Стало очевидно, что и правительство Скоропадского на Украине вскоре падёт. О том, как именно это произошло в начале декабря 1918 года под напором войск бывшего социал-демократа Петлюры (через несколько месяцев уступившего Киев большевикам), хорошо помнят все, кто читал «Белую гвардию» Булгакова.

Спротивление большевикам в этот период сосредоточилось на востоке и юге России; и стало окончательно ясно, что его главная проблема – недостаток единства. Попытки объединения антибольшевистских сил, принимавшиеся не один раз, так и не смогли преодолеть их разнородность, часто приводившую к тяжёлым недоразумениям и конфликтам.

На востоке

23 сентября 1918 г. на Государственном совещании в Уфе в результате вынужденного и крайне неустойчивого компромисса различных сил востока России (переговоры были начаты ещё в июне) было создано Временное

всероссийское правительство (иногда его называют Уфимской директорией), просуществовавшее до 18 ноября. Оно рассматривало себя в качестве очередного, нового состава Временного правительства, возобновившего свою деятельность после вынужденного перерыва, вызванного октябрьским переворотом 1917 года.

Это правительство из 5 человек под председательством одного из лидеров партии эсеров Н.Д. Авксентьева² объединяло все имевшиеся на востоке России областные, национальные и казачьи правительства, такие как, например, правительство восставших рабочих городов Ижевска и Воткинска. Основу же Директории составляли преимущественно эсеровские по составу Комитет членов Учредительного собрания в Самаре (Комуч) и Временное сибирское правительство в Омске. У каждого из них имелись свои вооружённые силы: у Комуча – Народная армия (к сентябрю в ней было около 5 тыс. человек, и командовал ей с июля 1918 года монархист подполковник В.О. Каппель), у Сибирского правительства – Сибирская армия (к началу сентября её численность составляла более 60 тыс. человек, и командовали ей сначала представители чехословацкого корпуса, а с 1 октября – войсковой атаман Сибирского казачьего войска П.П. Иванов-Ринов). После учреждения Уфимской директории военным министром и верховным главнокомандующим её объединёнными военными силами стал меньшевик генерал-лейтенант В.Г. Болдырев.

Слабым местом сил Поволжья и Сибири было взаимное непонимание между умеренными социал-демократами (правыми эсерами и меньшевиками), составлявшими значительную часть их политического руководства, и кадровыми офицерами, составлявшими боевое ядро их армий. Особенно ярко это проявилось после провала мобилизации в Народную армию: эсеры обвиняли офицеров в реакционности, враждебном настроении к демократии, стремлении к военной диктатуре, офицерство же винило Комуч в политической близорукости, излишней подозрительности, некомпетентном вмешательстве в военную сферу. К началу осени 1918

¹ В ноябре 1918 года мятеж, начавшийся в германском флоте, перебросился в армию. Волнения в Мюнхене и Берлине закончились провозглашением республики. Кайзер Вильгельм отрёкся от престола и уехал в Голландию (где жил

до кончины в 1941 году).

² В третьем (втором коалиционном) составе Временного правительства (июль-август 1917 г.) Н.Д. Авксентьев занимал пост министра внутренних дел.

Председатель Уфимской
директории эсеров
Н.Д. Авксентьев (1878–1943)

Верховный правитель России
адмирал А.В. Колчак
(1874–1920)

года Народная армия находилась в отчаянном положении: её немногочисленные отряды на фронте уже не могли сдерживать многократно превосходившие их силы большевиков. 11 сентября была сдана Казань (при 4-кратном перевесе красных), 12 сентября – Симбирск, 3 октября пала Сызрань, 8 октября – бывшая столица Комуча Самара, 9 октября Временное всероссийское правительство покинуло Уфу в связи с угрозой захвата города наступающими большевистскими войсками и перебралось в Омск, 7 ноября пал восставший ещё в конце лета Ижевск, а 13 ноября – Воткинск.

Мобилизация в Сибирскую армию была гораздо более успешной. Общая её численность к концу 1918 года достигала почти 200 тыс. человек. Всю осень она вела позиционные бои, но к концу ноября перешла в наступление, закончившееся в конце декабря взятием Перми. Тем не менее противоречия между офицерским корпусом и эсеровским правительством были сильны и в Омске. В результате 18 ноября группой офицеров был совершён переворот: эсеровское правительство было разогнано, а власть передана военному министру Директории³ адмиралу Александру Васильевичу Колчаку, которому было присвоено звание Верховного правителя России. Он установил режим военной диктатуры и приступил к реорганизации армии. Власть Колчака была признана союзниками России по Антанте и большинством других белых правительств.

Эсеры после переворота объявили Колчака и Белое движение в целом врагами. Это было особенно разрушительно в связи с тем, что в армии и государственном аппарате белых правительств было множество социалистов и их сторонников, и они пользовались широким влиянием в крестьянской среде.

На юге

Антибольшевистское движение на юге России всю осень вело тяжёлые, обескровливающие бои, то отступая, то наступая. Сначала были сданы, потом отбиты Армавир и Ставрополь; начинались, а потом прекраща-

лись наступления в сторону Царицына и Воронежа. На Дону к концу осени ситуация усугубилась тем, что во второй половине ноября германские части очистили территорию области, открыв опаснейшее и кратчайшее к её столице направление – воронежское. Донцам грозило вторжение большевиков и с другого направления, харьковского. Тем не менее всю осень, по словам генерала А.И. Деникина, «Дон доблестно отстаивал своё существование против вдвое сильнее врага».

В то же время и по ту, и по другую сторону фронта не было необходимого единства. Среди командования красных шли непрерывные, иногда кровопролитные, конфликты. Среди антибольшевистского сопротивления, по признанию генерала Деникина, «отношения между добровольческим и донским командованиями оставались весьма тягостными». Казаки надеялись прекратить боевые действия, отстояв линию границ своей территории. Атаман Краснов и его единомышленники объявили о создании Доно-Кавказского союза, состоящего «из самостоятельно управляемых государств: Всевеликого войска Донского, Кубанского войска, Астраханского войска и Союза горцев северного Кавказа и Дагестана, соединенных в одно государство на началах федерации», надеясь от лица этой организации вести переговоры с большевиками о перемирии и дальнейшем нейтралитете. И хотя этот проект так и не был осуществлён, он многое говорит о настроении, сложившемся в первую очередь в Войске Донском. Принципиально иной была позиция главнокомандующего Добровольческой армии генерала Деникина: он не принимал никакого сепаратизма, который, по его мнению, «в корне противоречил идее Единой России». Создание вооружённых сил, имеющих задачей лишь отстаивание своей отдельной территории, «лишало всякого смысла жертвы добровольцев, приносимые во имя спасения России». Спор о возможности компромисса с сепаратистскими тенденциями этого времени продолжался и в эмиграции (и продолжается между историками до сих пор); но как бы то ни было, в рядах антибольшевистских сил Юга России единства не было.

Внутренне противоречивая позиция казаков закончилась тем, что после многих месяцев мужественных боёв «в конце декабря сначала один донской полк предался на сторону красных, потом несколько станиц, и войска Верхне-Донского округа заключили мир с большевиками и начали расходиться по домам. Пораженческое настроение ширилось по фронту, и одновременно шарились прорывы, в которые беспрепятственно вливались волны красных, выходя в тыл и угрожая окружением ещё боровшимся войскам Хопёрского округа»⁴. **КФ**

³ Адмирал А.В. Колчак, приехавший в Омск 13 октября, 4 ноября по просьбе правительства Уфимской директории стал военным

министром Временного всероссийского правительства.

⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 111.

Если бы внутреннее сопротивление в обществе было достаточно сильным...

Интервью с Владимиром Прохоровичем Булдаковым, доктором исторических наук, главным научным сотрудником Института российской истории РАН

Беседавала Александра Колымагина. Фото: А.А.Егорова и N.V.Benzoruk

Как Вам кажется, можно ли считать феномен Добровольческой армии проявлением ответственности за страну, так же как феномен нижегородского ополчения в смутное время?

Если говорить о Белом движении, то можно действительно ответить: да. Но вопрос в другом: какая часть общества проявила эту ответственность? И окажется, что антибольшевистское добровольческое движение захватило очень незначительную часть общества. Это весьма показательно. Если бы внутреннее противостояние (не только военное) было в обществе в целом достаточно сильным (включая, кстати сказать, и саму большевистскую партию, ведь большевики были разными), тогда ситуация была бы другая. Но так уж получилось, что самая оголтелая верхушка большевиков захватила сначала большевизм – не только своей идеологией, а прежде всего психическим напором, а затем в значительной степени и население. И от этого никуда не денешься. Это, конечно печально, но это надо признать.

Часто события гражданской войны пытаются описать в терминах интервенции; мне приходилось встречать в интернете статьи, где весь численный состав армии Колчака приписывался «заокеанским интервентам». А каков был на самом

деле вес иностранных частей в происходивших событиях?

Если брать Белый Север, то там произошла «интервенция по приглашению». То есть антибольшевистские силы пригласили англичан для того, чтобы они просто стабилизировали ситуацию на местах, не вмешиваясь в политические дела. Была и чисто прагматическая сторона этих событий: в Мурманске (точно так же, как и во Владивостоке) стояли грузы, поставленные странами Антанты России как своему союзнику в Первой мировой войне. И, естественно, те, кто их отправил, не хотели, чтобы эти грузы попали в руки противников – немцев.

Что касается Дальнего Востока, то эта ситуация представляет собой конкретный и весьма показательный пример. Там стоял трехтысячный экспедиционный канадский корпус. Три тысячи – это довольно много¹. Он не сделал ни одного выстрела ни в красных, ни в партизан. Тем не менее из этих трех тысяч около двадцати человек погибли в России – от болезней. Один офицер застрелился, когда узнал, что ему, может быть, придется участвовать в боевых действиях.

Помнится, генерал Деникин писал, что не только военной помощи практически не было, но даже грузы, которые поставляли союзники, часто были негодными...

На Западе было сильнейшее движение «Руки прочь от советской России!» А «интервенты» были не столько интервентами, сколько полицейскими силами поддержания порядка. Да, были какие-то действия – и англичане воевали, и танки присутствовали. Всё это было, конечно. Но в целом масштабы интервенции были многократно раздуты советской большевистской пропагандой: «Вот, против нас ополчились 14 империалистических держав!» Так что интервенция скорее сыграла на руку красным. К слову, я до сих пор не могу выяснить, что это были за державы и сколько их было на самом деле...

Чехословацкий корпус сначала тоже не хотел вмешиваться. Потом они оказались втянутыми в военные действия, но ведь они не совсем белогвардейцы. В целом это люди правосоциалистической эсеровской ориентации. Не

случайно они оказались в союзе с Комучем².

Теперь что касается тех, кто воевал на стороне красных. Это были представители разных народов – венгры, даже немцы, ну и латыши, конечно. Латыши были в основном профессиональными военными, получавшими деньги за то, что они воевали, «усмиряли крестьянские восстания на Руси». Потом они вернулись в Латвию, и их там цветами встречали.

Не может быть! В буржуазной Латвии?

Они там воспринимались как способные обеспечить будущую оборону страны «наши люди», профессионалы: им сказали, и они за деньги работали. Ландскнехты революции. И таких хватало.

Надо сказать, что и у белогвардейцев, у Колчака, тоже были такого рода польское и сербское военные соединения.

Что касается красных, то сколько там было китайцев, сколько прочих наёмников, никто пока не сосчитал. Точнее, считали в советское время и получаются какие-то фантастические цифры. Но при этом встаёт вопрос: за что они воевали?

А цифры в каком смысле фантастические? Слишком большие или слишком маленькие?

Большие, конечно. Я их не помню и не собираюсь принимать всерьёз.

Так что не следует в принципе преувеличивать влияние каких-то внешних сил ни на ход революции, ни на ход гражданской войны. К громадному сожалению, это была *наша* революция, *наша* гражданская война, это была *наша* «красная смута». Я так и озагла-

вил одну из своих книг: «Красная смута». Нравится она нам сегодня или не нравится, это то, что было и принадлежит истории.

Тем не менее мы не можем не задаваться вопросом, почему она закончилась так, как закончилась, почему в 1919 году и начале 1920-го произошёл перелом в пользу красных. Ведь до этого ситуация могла и в ту, и в другую сторону повернуться.

Я не уверен, что перелом произошёл именно в 1919 году. Это самый пик Гражданской войны. Единственное, что можно сказать – к концу 1919 года люди почувствовали, что сила за большевиками. С другой стороны, было ощущение, что белые тянут назад, а возвращения к старому не хотело, прежде всего, крестьянство; оно панически боялось, что землю, какая она ни есть, снова отберут.

А когда, на Ваш взгляд, произошёл этот перелом?

Это очень трудно сказать. Скорее всего, это произошло к концу гражданской войны, где-нибудь в 1920 году, когда люди почувствовали, что никакой альтернативы уже нет. Вот тогда, поняв, что сила за большевиками, они смирились с этой властью. Это не значит, что поддерживали её всемерно. Просто смирились.

Я недавно видела презентацию, где показывали параллельно плакаты Красной армии и Белого движения на одну и ту же тему. Ощущение такое, что белые проиграли информационную войну. Люди не столько почувствовали, что сила за «красными», они поддались этому усиленному давлению:

«**Ты** записался добровольцем?» (параллельный плакат белых звучит совсем по-другому, сдержанно, взывая к совести: «Почему вы ещё не в армии?»). Это разная степень напора и разный зрительный язык.

Белые, действительно, проиграли информационную войну, но информационная война – это часть войны идеологической. И в этом смысле они проиграли в связи с тем, что у них не было единой программы на будущее. У большевиков же была программа – утопическая, но была. За эту программу они готовы были и чужую жизнь, и собственную положить. Это в значительной степени привлекало. Ведь в этом была определённости, а люди устали, попросту говоря, к этому времени не только от хаоса революции, но и от хаоса предыдущей Первой мировой войны. Многие решались на уровне эмоционального отношения к происходящему: «Да, большевики – это нехорошо, это террор, но белые, оказывается, ничем не лучше... Опять же, большевики, по крайней мере, землю дали, неважно, что её совхозы под себя подмяли».

Ну, совхозы – это когда ещё будет...

Это сразу началось. И крестьяне бунтовали с 1917 года. Но бунтовали против любой власти, которая их не устраивала. Им было безразлично, большевики это или кто-то другой. В конечном счёте они сделали выбор в пользу большевиков. Дело не в том, что те были лучше; они были понятнее, а значит, примирившись с ними, можно было, как виделось в то время, строить какие-то планы на будущее. А неопределённость – она всегда угнетает. **КФ**

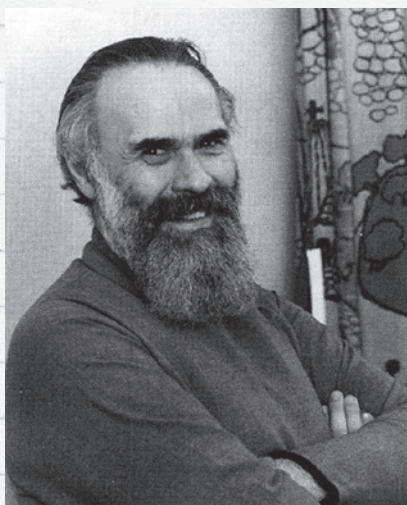
¹ Напоминаем читателям, что численность Добровольческой армии, когда она выходила в Первый Кубанский (Ледяной) поход, не превышала нескольких тысяч человек вместе с обозом.

² Комитет членов Всероссийского учредительного собрания (сокращённо Комуч или КОМУЧ) – одно из первых

антибольшевистских правительств России, организованное 8 июня 1918 года в Самаре. В Комуч первого состава вошли пять эсеров, членов Учредительного собрания: В.К. Вольский – председатель, Иван Брушвит, Прокопий Климушкин, Борис Фортунатов и Иван Нестеров.

В простоте и святости

Илья Бородин

Митрополит Сурожский
Антоний, 1974 г.

Я совсем недавно переехал в Манчестер из Санкт-Петербурга поработать в местном университете, и для меня было важно, что в городе, где я буду жить, есть православный приход Московского патриархата. Когда я уезжал из России, мне было очень интересно, кого я найду в английском приходе: потомков русской эмиграции, учеников владыки Антония (Блума) или просто таких же, как и я, относительно недавно приехавших молодых людей? Результат оказался ближе к третьему варианту, но при этом среди прихожан храма нашлось и несколько человек, участвующих в жизни прихода уже более 30 лет, помнящих владыку Антония и лично переживших многие события целых десятилетий жизни Сурожской епархии, включая её основание. Среди таких людей семейная пара Тони и Марианы. Они одни из очень немногих на приходе хранят живую память о владыке Антонии и до сих пор несут в своей жизни отпечаток

его духовного наставничества.

Мариана была знакома с митрополитом Антонием с его французского периода, когда он ещё не был священником. Когда она вышла замуж за Тони (они познакомились студентами в лагере РСХД во Франции) и переехала в Англию, владыка Антоний, её духовник, был одним из немногих близких ей людей на новом месте. Сама она выражает его духовное влияние словом «shape» (форма), в том смысле, что владыка полностью сформировал её духовно и его влияние распространялось на всю её жизнь. Необыкновенная простота владыки Антония в общении и окружающая его святость (проявлением этой святости была его полная посвящённость Церкви) были теми качествами, которые он стремился привить и своим духовным детям. Огромная внутренняя свобода, внимание к людям и одновременно с этим большая требовательность и ответственность, когда дело касалось Церкви, удивительно совмещались в нём. Так, после того как Мариана и Тони переехали жить в Ливерпуль, владыка (как я понимаю, не особо уточняя желание на это Марианы) благословил их проводить богослужения в своем доме. При этом он «выписал» их небольшой общине священника — отца Михаила Фортунато, о котором они до сих пор вспоминают с большим восторгом. В итоге они почти 20 лет раз в месяц проводили богослужения у себя дома! Сейчас о. Михаил ушёл на покой и вернулся жить во Францию.

Потом, так же неожиданно, как и в первый раз, владыка благословил Мариану стать старостой в новом приходе в Манчестере, который при-

надлежал до этого Русской православной церкви за рубежом, а теперь стал приходом Московского патриархата. Для этого им пришлось оставить свой милый маленький приход в Ливерпуле и каждое воскресенье ездить в Манчестер за 40 миль от дома. Так они и ездят вместе с Тони начиная с середины 1990-х годов. Тони, хотя так и остался католиком, но говорил, что был бы рад, если бы владыка Антоний был ближе и оказал на него большее влияние. Он получил от владыки своё благословение — регентовать в хоре в этом же храме Манчестера, что он также делает многие годы и по сей день. Мариана же, кажется, единственная из женщин в храме, кто не «носит платочек» и вообще чувствует себя достаточно свободно во многих вещах. Она встречает всех приходящих с большой искренней радостью, улыбкой и теплотой и до сих пор поёт в хоре. Её внутренняя свобода — тоже наследие владыки Антония. Марианна говорит, что современный приход очень «традиционный» и очень «русский» в том смысле, что приходится во многом ограничивать эту свою свободу, чтобы как-то не смутить людей, приходящих в него со своим образом православной церкви. А вообще она кажется действительно счастлива, что в её годы у неё есть такое замечательное, ответственное и большое служение — быть старостой храма. Несмотря на то, что это иногда бывает тяжело и утомительно, служение Богу и Церкви действительно стало для Тони и Марианы основным делом, и я думаю, что это как раз и есть главное наследие владыки Антония в их жизни. **КФ**

Нам запрещено было говорить

Людмила Кузьмина

В 1958 году я поступила учиться на химический факультет Уральского государственного университета в тогдашнем Свердловске. Со времени убийства Николая II в Екатеринбурге прошло 40 лет. Знала ли я об этом? Да, знала. Как относилась? Как большинство людей тогда, индифферентно. В конце пятого курса наряду с защитой дипломной работы и госэкзаменом по химии мы держали госэкзамен по истории КПСС, за который у меня в зачётке стояло «отлично».

И мы, студенты, конечно, знали официальную версию убийства Николая II. Знали, что он и его семья находились в Екатеринбурге до 16 июля 1918 года, на город надвигались белые войска (чешский корпус и белоказачи), в связи с чем Уральский облсовет вынужденно принял решение ликвидировать бывшего царя, и его застрелили в ночь на 17 июля. В Москву об этом было сообщено, и на заседании Совнаркома, на котором присутствовало 33 человека, Свердлов доложил о казни бывшего царя, в результате вынесено постановление: «Принято к сведению». Вот и всё, что нам, студентам, положено было тогда знать.

А в остальном наша студенческая жизнь протекала по-студенчески. Днём на занятиях «грызли гранит наук», по вечерам бегали на свидания и танцы, посещали театры и кино. События 40-летней давности казались далёким прошлым и мало интересовали нас в деталях. Стоим, бывало, на улице Карла Либкнехта (бывшем Вознесенском проспекте) на остановке автобуса, видим, через дорогу за забором длинный приземистый дом. Да мало ли таких заброшенных домов в Свердловске? Но однажды на остановке к нам подошла пожилая женщина и, показав на дом за забором, спросила:

— Вот, девчонки, знаете, что это за дом? Проклятое место! В этом доме убили Николая-царя и всю его семью. Ну, Николая-то не жалко. Он сам отрёкся от престола, а это грех на нём. Но ведь расстреляли вместе с ним и царицу, и молоденьких его дочек, и больного мальчонку-сына. Вот их-то за что расстреляли? Дочки были примерно в вашем возрасте.

И нас это тёткино сообщение буквально потрясло. Как?! Нам вроде говорили, что одного только царя расстреляли, а остальных куда-то увезли!

На очередном семинаре по истории партии мы задали вопрос нашему преподавателю: «А правда, что

в доме Ипатьева расстреляли всю семью Николая II и его слуг?» Было время хрущёвской «оттепели». Мы уже не боялись «скользких» вопросов в нашей истории, но старшее поколение, преподавательский наш коллектив, переживший страшное время сталинских репрессий, предпочитало отмалчиваться, и наш преподаватель ответил уклончиво:

— То, что вы знаете, то и правда. В ночь на 17 июля Николая II по решению Уралсовета расстреляли. Было официальное сообщение Совета населению города 21 июля, что семью Николая II вывезли в надёжное место. Город находился на осадном положении. 25 июля в город вошли белые.

Наверняка наш преподаватель знал всю правду, но не хотел её нам говорить. Время «оттепели» было очень зыбким. Тот же преподаватель говорил нам на семинарах, когда мы слишком «распускали языки»:

— Девочки! Вы скоро окончите университет и пойдёте в большую жизнь — на заводы, в НИИ, в школы! Своими языками вы можете себе только навредить.

Конечно, коренные жители Свердловска знали, что семью расстреляли вместе с царём и тела вывезли за город. Дом Ипатьева с царской семьёй был слишком известен у местного населения; охранники, снабженцы, члены их семейств могли знать, что произошло в этом доме в ночь на 17 июля. Как бы тщательно ни заматали большевики следы происшедшего убийства, многое просочилось наружу. Народ не безмолвствовал, он шушукался, потому что всю правду в то время говорить было нельзя.

И вот теперь, узнав новые для нас сведения о том, что произошло в доме Ипатьева, мы ужасались, представив, как расстреливали молодых дочерей и подростка-сына царя в подвале Ипатьевского дома. Но и приняли версию, что если семью и правда расстреляли, то это была вынужденная мера большевиков, потому что белые были на подходе и 25 июля заняли город.

Я сильно засомневалась в том, что убийство это было вынужденным, только после того, как моя однокурсница Люся Т., родом из Алапаевска, поведала мне следующее:

— Ты только не говори никому, что это я тебе рассказала. Об этом запрещено говорить.

Кем запрещено? — такого вопроса у меня тогда не возникло. Мы уже знали, что не всё можно было

Дом Ипатьева. Екатеринбург

публично говорить в то наше время хрущёвской «оттепели».

А Люся продолжала:

— Мне моя бабушка рассказала, что у нас в Алапаевске живыми бросили в шахту сестру царицы с монахиней Варварой и князей, родственников царя. Из шахты слышались потом стоны и церковное пение. И это случилось 18 июля 1918 года, на другой день после убийства здесь в Свердловске царя, когда никаких белых на подходе к Алапаевску ещё не было. Белые пришли, кажется, через полгода, точно не знаю. Тела из шахты достали и увезли в Сибирь и дальше на Дальний Восток с армией Колчака. Шахту эту засыпали. А старые бабки всё равно говорили, что из-под земли то и дело слышатся даже в наше время стоны и церковные молитвы. И мы детьми боялись туда бегать, да и сейчас обходим то страшное место стороной.

Мы продолжали спорить, надо ли было якобы вынужденно расстреливать Николая II и его семью. Ведь комендант дома Юровский и главные исполнители убийства вывезли из Ипатьевского дома три вагона вещей царской семьи — дорога на Пермь была свободна от белых, и вещи были благополучно доставлены Юровским и его командой в Москву. Позднее я узнала,

что проведённая Уралсоветом 21 июля дезинформация населения о том, что был расстрелян только царь, а его семья вывезена через Пермь и укрыта в надёжном месте, породила слухи даже за рубежом о том, что княжна Анастасия и царевич Алексей долгие годы ещё оставались живы.

Стоят по-прежнему памятник Я.М. Свердлову в сквере напротив Оперного театра и памятник В.И. Ленину на площади 1905 года. Кстати, памятник Ленину установлен на месте снесённого кафедрального Богоявленского собора Екатеринбурга. И многие улицы так и не вернули свои прежние названия.

Бывая в разные годы в Свердловске, я видела дом Ипатьева всегда за забором. Одно время там устроили музей, но потом хранили в нём какие-то архивы и для публики он был закрыт. В 1977 году по решению из Москвы дом Ипатьева снесли. К сносу дома непосредственно был причастен первый секретарь Свердловского обкома КПСС Б.Н. Ельцин.

Позднее на месте дома был установлен поклонный крест, а потом выстроен храм на Крови.

И я там неоднократно бывала во время моих поездок на Урал. **КС**

Редакция приносит свои извинения читателям за типографский брак, из-за которого в прошлом номере на с. 31 не пропечаталась одна цифра из даты кончины А.В. Чельцова и вместо «24 августа» было напечатано «4 августа».

Другие КНИГИ

больше, чем чтение

www.drugieknigi.com

По любым вопросам
вы можете звонить на номер
+7 922 600 1681

ДРУГИЕ КНИГИ – это проект о книгах и обо всём, что с ними связано: о чтении, отзывах, рецензиях, общении.

Мы предлагаем Вам замечательные книги небольших издательств, которые трудно найти на видных местах в книжных супермаркетах.

Наши книги о христианстве, истории религии, философии, психологии, культуре или просто хорошие детские сказки рассчитаны на неспешное и вдумчивое чтение. На тёплый разговор о прочитанном с другом за чашкой чая. Они придут на помощь, когда хочешь подарить что-то важное и значительное. Или напротив – нежное и изящное.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

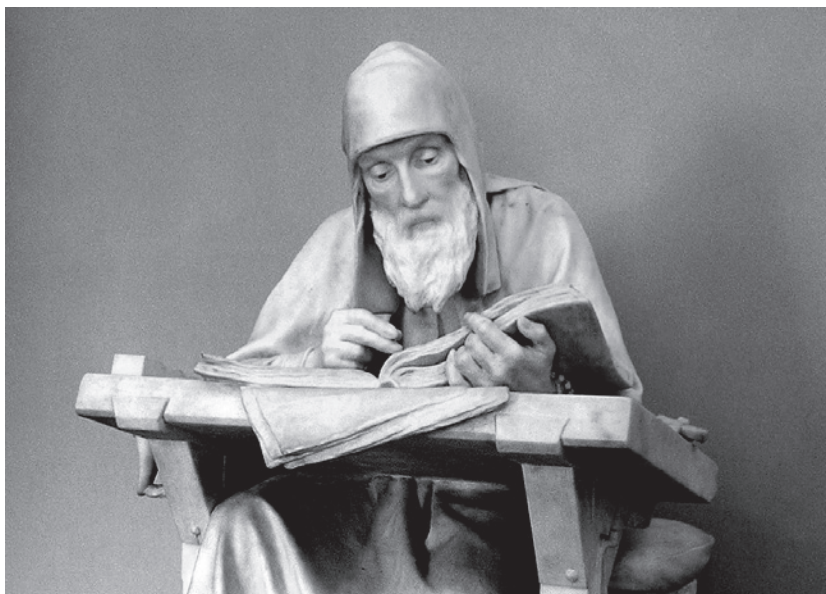
Сбор средств на ремонт часовни
в здании Свято-Филаретовского института

<http://c.sfi.ru>

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Т Е М А

ХРАНИТЕЛИ

Есть люди, главное служение которых – хранить и передавать память от поколения к поколению. Чтобы не приходилось молодым жить «с чистого листа», чтобы всегда можно было опереться не только на тех старших, кто стоит рядом, но и на тех, кто жил на нашей земле за многие годы, десятилетия, столетия до нас. Чтобы воспринять их добрый опыт, а ошибки знать и иметь в виду.

Но откуда взяться таким людям, когда «распалась связь времен», и распалась так сильно, что не в таком и давнем прошлом многие уже почти не могут отличить правду от лжи, друга от врага? Когда информации, казалось бы, море, но море это отравлено, и в нём перемешаны мёд и дёготь?

И тем не менее такие люди продолжают рождаться; продолжают искать и связывать разорванные нити традиции, очищать правду, обличать неправду. О ком-то из них мы и будем рассказывать в ближайших номерах.